

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

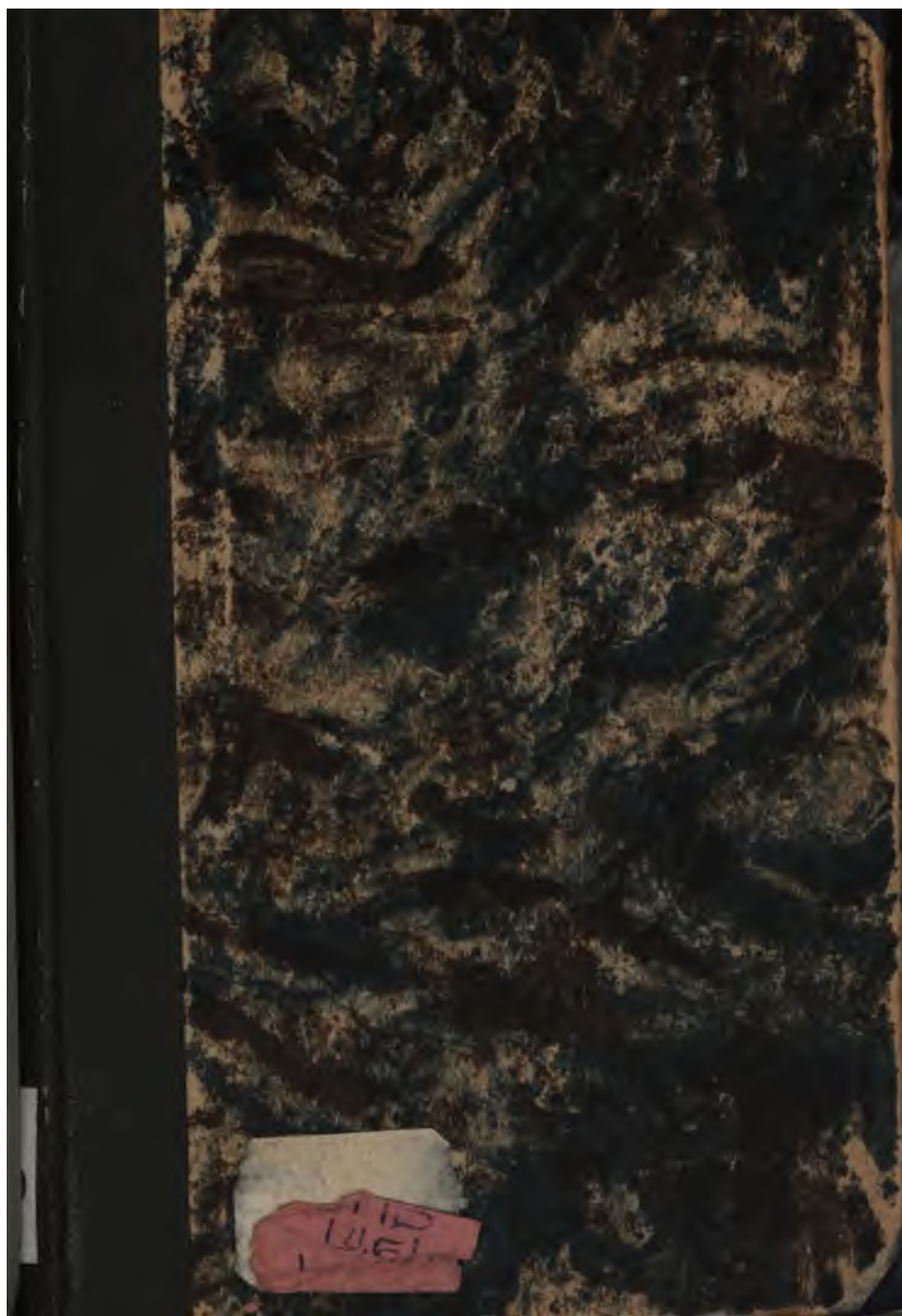
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

К-893

ИЖО
Кузьминский, К. С.

ОПБ
ЩБ
Ку. С.

А. С. Пушкинъ,

*его публицистическая и журнальная
дѣятельность.*

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

К. Кузьминскаго.

Изданіе И. П. Жемочкина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. А. И. Кяриччинова.

1093
11161

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1901.

ОПБ
11161

14

PG 3350

K8

9292-37

n.119215

Отъ редактора.

Членъ Попечительнаго Совѣта студенческаго общежитія имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, Иванъ Петровичъ Жемочкинъ, годъ назадъ пожертвовалъ въ библиотеку общежитія полный экземпляръ Пушкинскаго „Современника“. Студентъ-филологъ г. Кузьминскій взялся написать объ этомъ драгоценномъ памятникѣ русской литературы классическаго періода рефератъ, который разросся въ цѣлое небольшое изслѣдованіе о публицистической и журнальной дѣятельности Пушкина вообще и тотъ же жертвователь

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и расписка
	6						116

PG 3350

K8

Отъ редактора.

Членъ Попечительнаго Совѣта студенческаго общежитія имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, Иванъ Петровичъ Жемочкинъ, годъ назадъ пожертвовалъ въ бібліотеку общежитія полный экземпляръ Пушкинскаго „Современника“. Студентъ-филологъ г. Кузьминскій взялся написать объ этомъ драгоценномъ памятникѣ русской литературы классическаго періода рефератъ, который разросся въ цѣлое небольшое изслѣдованіе о публицистической и журнальной дѣятельности Пушкина вообще, и тотъ же жертвователь далъ средства на изданіе этой работы.

Я позволяю себѣ назваться редакторомъ настоящей книжки не въ томъ смыслѣ, чтобы мои взгляды во всѣхъ частныхъ случаяхъ совпадали со взглядами автора, — читатели увидятъ, что и авторъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ расхо-

дится съ моими печатными работами на сходныя темы,— но въ томъ смыслѣ, что работа г. Кузьминскаго велась по методу, мною рекомендуемому своимъ слушателямъ, а также *отчасти* по моимъ библиографическимъ указаніямъ.

А. Ширтгиковъ.

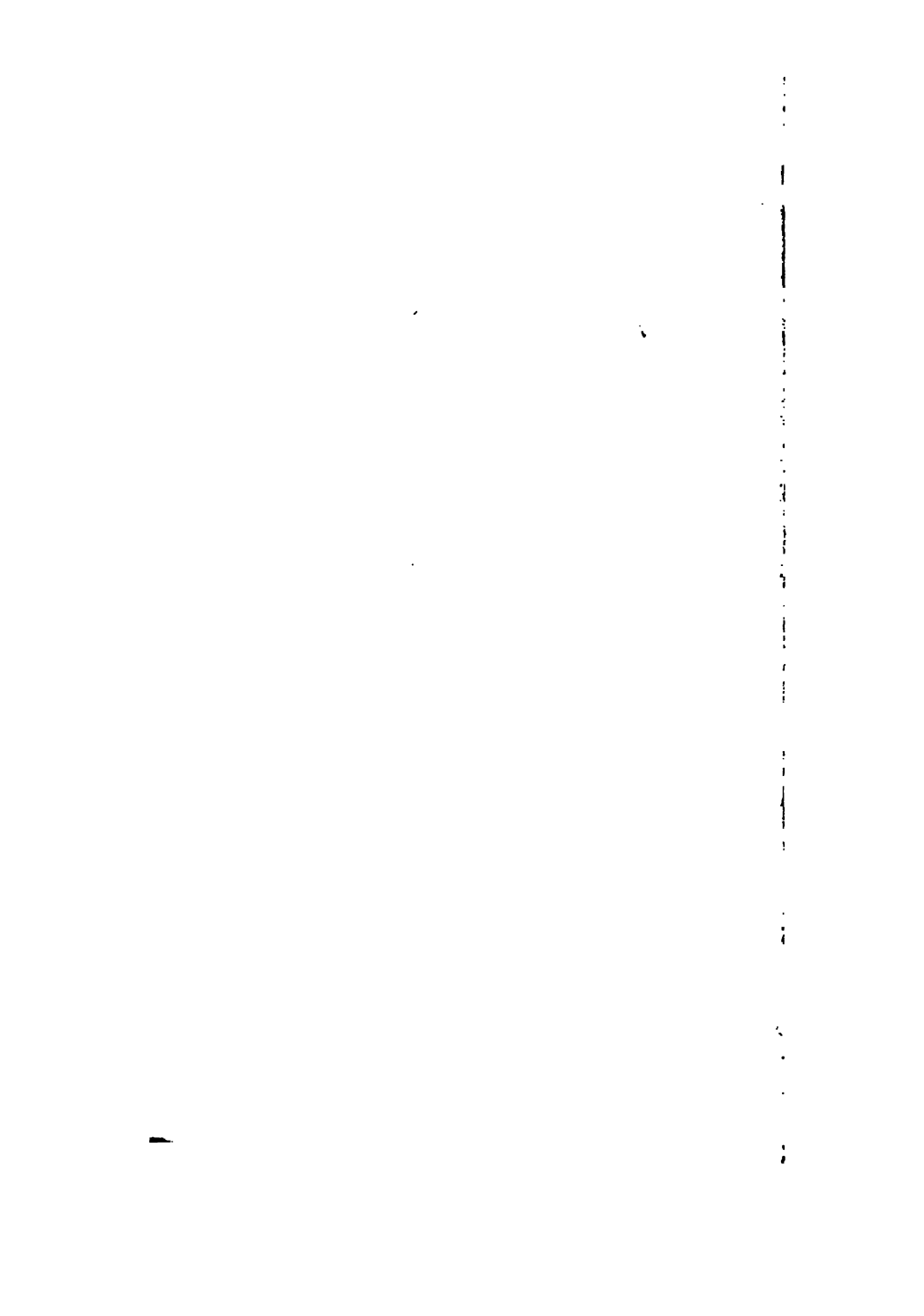
5 февраля 1901 г.

Отъ составителя очерка.

Выпуская въ свѣтъ очеркъ публицистической и журнальной дѣятельности А. С. Пушкина, авторъ долгомъ своимъ считаетъ принести благодарность И. И. Жемочкину, проф. А. И. Кириичникову и П. В. Преображенскому за оказанное ими содѣйствіе въ изданіи настоящей книги.

И. Лузьминскій.

А. С. ПУШКИНЪ,
его публицистическая и журнальная дѣятельность.

I.

Событія конца XVIII в. измѣнили кореннымъ образомъ не только западно-европейскій общественный строй, но и отразились на русской исторіи: они сблизили Россію съ западною Европой. Несмотря на то, что еще Петръ В. въ силу необходимости пытался некусственнымъ путемъ пересадить западно-европейскую науку на русскую почву и заставить русскихъ жить болѣе интенсивно, исторически сложившаяся общественная жизнь Россіи препятствовала этому сближенію; кромѣ того, то, что выработала западная Европа путемъ тысячелѣтняго развитія, не могло привиться въ Россіи въ какихъ-нибудь сто лѣтъ. Только наполеоновскія войны, которыя привлекли общество къ самодѣятельности и ближайшимъ образомъ познакомили русскихъ съ западною Европой, ускорили темпъ русскаго общественнаго развитія.

При императорѣ Александрѣ I русское общество уже состояло изъ разнообразныхъ слоевъ. Никогда раньше дифференціація общества не достигала такого развитія. Тогда еще весьма многіе помнили вѣкъ Екатерины и сроднились съ его принципами. Космополитизмъ былъ ихъ главнымъ девизомъ. Русскіе по рожденію и воспитанію, они хотѣли стать французами и прилагали къ этому всяческое стараніе; но, не получивъ серіозной подготовки, они переняли вначалѣ только внѣшній лоскъ, и общество большей частью проводило время въ шумной праздности. Однако вмѣстѣ съ модами были занесены съ Запада и кое-какія новыя идеи, которыя были усвоены нѣкоторой частью общества. Правда, большинство все еще устранялось отъ какой бы то ни было общественной дѣятельности, такъ какъ привыкло во всемъ полагаться на правительство, но были и такіе люди, которые чувствовали потребность въ ней. Стали изрѣдка раздаваться голоса, критиковавшіе современный строй и указывавшіе на неурядицы. Но до имп. Александра I правительство не терпѣло такого отношенія къ существующему порядку. Событія на западѣ Европы усиливали все больше и больше репрессаліи въ Россіи. Царствованіе императора Павла было самымъ тяжелымъ въ этомъ отношеніи.

Однако сѣмя критическаго отношенія къ существующему порядку было брошено и со временемъ должно было разрастись. Лучшимъ показателемъ общаго настроенія былъ восторгъ, съ которымъ привѣтствовали восшествіе на престолъ молодого либеральнаго императора Александра I. Всѣ ликовали; ликовали даже и тѣ, которые по своимъ воззрѣніямъ были далеки отъ всего того, что скоро стало проводиться въ жизнь императоромъ и его приближенными. Главной заботой новаго правительства было привлечь общество къ дѣятельности. Отечественная война помогла ему въ этомъ отношеніи, и общественные инстинкты проявились съ огромной интенсивностью. Успѣхъ войны удвоилъ энергію, а долгое пребываніе за границей познакомило русскихъ съ европейской жизнью, государственнымъ строемъ и политическими взглядами.

Значеніе Двѣнадцатаго года и связанныхъ съ нимъ событій очень хорошо изображено В. Е. Якушкинымъ въ статьѣ: „М. Н. Муравьевъ-Апостолъ“ („Р. Стар.“ 1886 г., кн. 7, стр. 158 и сл.).

„Во всякомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, важно первое начало; Двѣнадцатый годъ положилъ начало послѣдующимъ важнымъ общественнымъ явленіямъ. Сильное возбужденіе патріотизма

вызвало и общее усиленіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ стремленій. Люди были выбиты изъ своей узкой колеи, оторваны отъ прежней своей придавленности, сразу поставлены въ среду широкаго и важнаго общественнаго, государственнаго, народнаго дѣла, и они были тогда въ этомъ дѣлѣ не слѣпыми орудіями, не пѣшками, а сознательными и одушевленными работниками. Сильное патріотическое одушевленіе охватило тогда нашихъ предковъ...

Разъ любовь къ родинѣ была обнаружена, она, конечно, не могла уничтожиться и по минуваніи военныхъ обстоятельствъ; она должна была лишь видоизмѣниться, должна была обратиться отъ внѣшнихъ враговъ къ внутреннимъ бѣдствіямъ, ясно сознаннымъ во время самой войны. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу, сближеніе съ нимъ не могли пройти безслѣдно. 1812-й годъ былъ дѣломъ народнымъ, и на этомъ дѣлѣ, въ дружной работѣ, встрѣтились и такъ называемое общество и простой народъ“.

Литература, этотъ лучшій показатель общественнаго настроенія, тоже ожила. Словомъ, въ Россіи все ожило; всѣ стали либеральничать, кто искренне, а кто и притворно. Многіе, конечно, не были согласны съ новымъ напра-

вленіемъ, но политическое прошлое воспитало общество такъ, что оно привыкло соглашаться съ тѣми или иными взглядами правительства. Несогласные только ждали удобнаго момента, чтобы поставить русскую политику въ положеніе, къ которому они привыкли. Они никогда явно не противорѣчили правительству, но только старались при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивать промахи, которые такъ часты во всякомъ новомъ дѣлѣ. На помощь этимъ людямъ пришла та же внѣшняя политика и событія на томъ же западѣ Европы.

Нерѣшительный императоръ Александръ, поставленный въ необходимость внѣшней политикой быть представителемъ консерватизма, подпалъ скоро подъ вліяніе реакціонной партіи, и всѣ его либеральныя стремленія мало-по-малу прекратились; на смѣну имъ пришла опять старая политика, усиленная вліяніемъ Меттерниха. Реакціонные элементы восторжествовали, но та часть общества, которая такъ недавно увѣрена была въ осуществленіи своихъ желаній и которая была воспитана въ другомъ духѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ тогдашнихъ западно-европейскихъ идей, не могла рабски покориться такому положенію вещей, и среди нея стала раздаваться глухая ропоть. Кружки недовольныхъ стали образовывать тай-

ныя общества съ политическимъ отгѣнкомъ. Программа ихъ была заявлена уже по смерти императора Александра, при вступленіи на престоль императора Николая Павловича.

II.

Пушкинъ, конечно, росъ и воспитывался подь непосредственнымъ вліяніемъ современнаго ему общества и многое долженъ былъ отъ него позаимствовать.

Но семейныя обстоятельства сложились такъ, что Пушкинъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ вышелъ изъ-подъ вліянія родныхъ, принадлежащихъ, по большей части, къ тѣмъ людямъ, которые были еще прочно связаны съ екатерининской эпохой и которыхъ никакъ нельзя причислить къ прогрессивнымъ элементамъ тогдашняго общества. Нѣсколько передовыхъ идей коснулись и ихъ, но были восприняты только теоретически, такъ какъ ни воспитаніе ни политическая обстановка не давали этимъ идеямъ реальной основы.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи было младшее поколѣніе, подь вліяніемъ котораго воспитывался Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ и къ которому онъ впоследствии примкнулъ. Само правительство, какъ мы видѣли, шло навстрѣчу

ему. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи Пушкину и его сверстникамъ. Они съ первыхъ шаговъ своей жизни попали въ среду, зараженную энтузіазмомъ и жаждой дѣятельности, которая не покидала ихъ всю жизнь, даже и тогда, когда условія для этой дѣятельности были весьма неблагопріятны. Свѣжесть юношескихъ впечатлѣній была неизгладима, и когда правительство въ послѣдствіи отказалось отъ своей программы, отъ желанія регулировать русскую жизнь по-европейски, они всѣми силами старались выполнить ее. Главная цѣль ихъ стремленій была направлена на упорядоченіе внутренней жизни. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависѣмости, гласный судъ, для всѣхъ равный, участіе общества въ управленіи и смягченіе цензурнаго гнета — для молодого поколѣнія были не только желательны, но и необходимы.

Лучшими представителями этого поколѣнія были друзья Пушкина. Онъ вмѣстѣ съ ними съ увлеченіемъ предавался мечтамъ и надеждамъ, и эти совмѣстныя бесѣды оставили въ душѣ поэта неизгладимые слѣды. Ближайшимъ его другомъ въ петербургскую эпоху былъ П. Я. Чаадаевъ, которому въ политическомъ воспитаніи Пушкина принадлежитъ видная роль и котораго онъ характеризовалъ словами: „онъ

въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесь“. Нельзя не отмѣтить вліянія Каверина, М. Орлова, двухъ Муравьевыхъ и друг., которые пытались объединить своихъ единоплеменниковъ, основавъ „Союзъ благоденствія“. Всѣ эти люди, по словамъ Пыпина, „не уступали своего идеала, размышляли и мечтали о лучшей судьбѣ для своего отечества, негодовали на совершавшееся“.

Такова была часть друзей Пушкина, сильно вліявшая на него въ эту эпоху. Онъ вмѣстѣ съ этими друзьями искренно вѣрилъ въ необходимость измѣненія столь несовершеннаго общественнаго строя и старался при помощи своего таланта способствовать распространенію интересовавшихъ его идей.

Въ то время, по словамъ Лермонтова, поэтъ

...нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ.
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.

И Пушкинъ удовлетворялъ этому спросу. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, такая дѣятельность при содѣйствіи таланта, способствовала быстрому росту славы и извѣстности Пушкина, такъ какъ недовольство дѣйствительностью въ эту эпоху въ Россіи было особенно замѣтно. Пушкинъ со свойственной ему искренностью поддавался общему настроенію,

которое и вылилось въ массѣ стихотвореній, и безъ того чарующихъ общество своей красотой. Стихотворенія этой эпохи носятъ публицистическій характеръ, въ нихъ поэтъ затронулъ почти всѣ вопросы, обсуждавшіеся въ тогдашнихъ либеральныхъ кружкахъ.

Но, какъ это достовѣрно извѣстно, Пушкинъ не былъ членомъ ни одного изъ этихъ кружковъ. Причиной тому былъ, вѣроятно, слишкомъ кипучій и неустановившійся характеръ поэта, а также слишкомъ разнообразныя свѣтскія связи. „Подвижность пылкаго нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугали меня“, говоритъ Пущинъ, близкій другъ поэта, несомнѣнно близко его знавшій и считавшій нужнымъ скрывать отъ него свою принадлежность къ тайному обществу. Художественная натура поэта нуждалась въ разнообразныхъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ и заставляла его сближаться съ такими людьми, которые въ глазахъ членовъ тайнаго кружка его компрометировали. Кромѣ того, онъ могъ *симпатизировать идеямъ* этихъ кружковъ, могъ быть и распространителемъ, по ему, какъ поэту, натурѣ разносторонней, трудно было отдать себя во власть только одной политической дѣятельности. „*Всякая политическая дѣятельность, связанная съ тайными кружками и заговорами,*

говорить проф. А. И. Кирпичниковъ, требуетъ фанатической преданности одной идеѣ, — а фанатизмъ близкій родственникъ ограниченности. Богато одаренная натура должна сжаться, сузиться для вступленія на эту дорогу, а Пушкинъ, въ особенности въ молодости, не былъ способенъ къ такой узости, и благо ему за это! Ни Шекспиръ, ни Гёте, ни Шиллеръ не были и не могли быть заговорщиками, хотя и умѣли гениально изображать заговоры; Данте и Байронъ были заговорщиками крайне неудачными“.

Однако, въ глазахъ тогдашняго правительства, и того, что было сдѣлано Пушкинымъ, было достаточно, чтобы подвергнуть его ссылкѣ на югъ, и то только благодаря заступничеству его благонамѣренныхъ друзей, ходатайство которыхъ смягчило его участь.

III.

Такая переменѣна въ жизни поэта не только заставила порвать сношенія съ петербургскими друзьями, но и дала ему возможность вдали отъ чужого влiянiя серьезно призадуматься надъ своимъ прошлымъ и заняться пополненьемъ своего образованiя. Съ юга онъ пишетъ Чаадаеву:

„Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ дружень умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“.

Правда, Пушкинъ и здѣсь изрѣдка встрѣчается съ нѣкоторыми членами оппозиціонныхъ кружковъ, но вліяніе ихъ уже было гораздо слабѣе. По мнѣнію Л. Майкова, оппозиціонное и тенденціозное направленіе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ Кишиневѣ, — отзвуки его петербургскаго настроенія. Но помимо этого были и другія причины, побуждавшія его критически относиться къ дѣйствіямъ правительства. Ссылка въ малокультурную страну озлобила его, а вліяніе Байрона породило въ немъ пессимистическое отношеніе къ многимъ жизненнымъ вопросамъ. Но было одно обстоятельство, которое на югѣ особенно возбудило Пушкина противъ русскаго правительства вообще, а въ частности противъ императора Александра, который, какъ извѣстно, стоялъ въ то время во главѣ реакціоннаго движенія въ Европѣ; поэтъ прибылъ въ Бессарабію въ тотъ моментъ, когда тамъ готовилось

возсташіе грековъ. Гетеристы въ то время старались возбудить населеніе противъ турокъ, чтобы собрать необходимыя средства для борьбы съ ними. „Я видѣлъ письма одного инсургента, писалъ Пушкинъ Раевскому. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча кн. Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа. Прекрасная минута надежды и свободы“.

Греки были увѣрены, что русскіе помогутъ имъ освободиться отъ турецкаго ига, къ тому же въ Россіи всѣ симпатіи были на ихъ сторонѣ. „Вся Россія, говоритъ Шильдеръ, встрепенулась при извѣстіяхъ о небывалыхъ дотолѣ турецкихъ неистовствахъ и въ недоумѣннн обращала взоръ къ своему царю. Всѣ сословія сходились въ желаніи освобожденія своихъ единовѣрцевъ и войны съ турками. Но, къ сожалѣнію, императоръ Александръ остался вѣренъ политическимъ началамъ, провозглашеннымъ имъ въ Тропау и Лайбахѣ. Онъ сознавался, что изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ противился войнѣ съ турками и жаловался на вредъ, наносимый такимъ противодѣйствіемъ народной любви къ нему“. Но, не взирая на все это, Александръ сталъ на сторонѣ „законной“ власти султана, отвергнувъ всѣ просьбы грековъ.

Полный отказъ правительства отъ внутреннихъ реформъ и отъ внѣшней политикн, нан-

болѣ пріятной русскому обществу, вызвалъ въ немъ раздраженіе. Раздраженное общественное настроеніе отозвалась и на Пушкинѣ. Гражданскіе мотивы опять стали прорываться въ письмахъ и стихотвореніяхъ. Въ эту пору были написаны имъ: „Посланіе къ Давыдову“, „Кинжалъ“, „Наполеонъ“, „Къ морю“ и др. Въ эту же эпоху своей жизни онъ опять выражаетъ стремленіе сблизиться съ оппозиціонными кружками, знакомится съ Пестелемъ и др., даже дѣлаетъ неудачную попытку вступить въ „Союзъ благоденствія“. Сатирическія пѣсни, осмѣивающія арагчеевскій режимъ, эпиграммы и, наконецъ, нѣсколько строкъ изъ письма съ атеистическимъ содержаніемъ вызвали новую перемѣну въ жизни Пушкина. Онъ былъ сосланъ въ село Михайловское и такимъ образомъ оторванъ отъ друзей либеральныхъ и нелиберальныхъ. Два года ссылки дали ему возможность укрѣпить свое міросозерцаніе, до сихъ поръ шаткое и подвергавшееся различнымъ постороннимъ вліяніямъ.

Пребываніе Пушкина на югѣ Россіи имѣло вліяніе болѣе благотворное, чѣмъ Петербургъ. Здѣсь онъ ближе познакомился съ природой, здѣсь Байронъ, несмотря на нѣкоторую односторонность, которая впрочемъ не положила

сильнаго отпечатка на творчество Пушкина, освободилъ его отъ вліянія классиковъ. Однако были и вредныя стороны пребыванія на югѣ. „Много пережилъ поэтъ за это время кипучей жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишеневѣ и въ Одессѣ, — говоритъ проф. Пѣтуховъ: — много потратилъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, вдали отъ широкаго круга друзей, отъ столичнаго общества, отъ литературныхъ центровъ; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на какую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего гениальнаго дарованія.

„Такимъ мѣстомъ явилось для Пушкина село Михайловское“.

IV.

Тихая, мирная жизнь, полная возможность располагать временемъ по собственному желанію были очень полезны поэту: онъ могъ здѣсь много и серьезно читать. Цѣлый рядъ писемъ къ брату свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много онъ здѣсь читалъ; здѣсь также онъ много занимался исторіей, особенно рус-

ской, и результатомъ этихъ занятій явилось гениальнѣйшее произведеніе: „Борисъ Годуновъ“.

Но особенно важно пребываніе въ Михайловскомъ въ одномъ отношеніи. Сближеніе съ народомъ, изученіе его быта и духа, знакомство съ народнымъ творчествомъ, — было однимъ изъ самыхъ благотворныхъ слѣдствій пребыванія Пушкина въ глухомъ, чисто рускомъ углу Россіи, гдѣ національныя черты сохранились во всей своей чистотѣ. Пушкинъ, получившій французское воспитаніе, проведеннѣй дѣтство и юность въ столицѣ и на окраинѣ Россіи, гдѣ русской элементъ почти отсутствовалъ, очень нуждался въ знакомствѣ съ русской народной жизнью. Счастливая случайность, въ видѣ очень умной пяни поэта, Арины Родионовны, помогла поэту въ этомъ отношеніи. „Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего провлятаго воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ писалъ онъ брату въ 1824 году.

Ознакомленіе съ русской исторіей вызвало въ поэтѣ желаніе узнать народъ возможно ближе. Его драма „Борисъ Годуновъ“ свидѣтельствуетъ о глубокомъ знакомствѣ съ народными массами. Конечно, такое желаніе было вызвано вліяніемъ эпохи, когда національное самосознаніе пробудилось и на Западѣ

и у насъ подъ вліяніемъ политическихъ событій, но нельзя отрицать и того, что условія жизни Пушкина были особенно для этого благоприятны, и онъ ими широко пользовался.

Анненковъ рассказываетъ, что „время пребыванія въ Псковѣ Пушкинъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли: изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова“ (Матер. 144). Но не только съ простымъ народомъ познакомился здѣсь Пушкинъ. Русская помѣщичья жизнь въ то время клонилась къ упадку. Всеобщее стремленіе къ центрамъ было характернымъ явленіемъ. Помѣщики бросали свои деревни и селились въ городахъ, гдѣ старались жить на французскій ладъ. Слѣдствіемъ такого явленія было то, что русское дворянство теряло свои характерныя черты. Только въ такихъ глухихъ углахъ, какимъ была Псковская губ., могла сохраниться дворянская жизнь съ чисто національными особенностями въ тѣхъ семействахъ,

которыя большую часть жизни проводили въ деревняхъ.

По сосѣдству съ Михайловскимъ жило такое семейство, нѣкоторые члены котораго послужили прототипами героевъ „Евгенія Онѣгина“. Если Онѣгинъ былъ представителемъ новаго типа дворянства, которое вело шумную жизнь въ столицахъ, а Ленскій представителемъ тѣхъ людей, которые „изъ Германіи туманной“ привезли „вольнолюбивыя мечты“, то семейство Ларинныхъ было образцомъ стараго дворянскаго рода, со всеми его достоинствами и недостатками. Аннепковъ утверждаетъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ изображены Анна и Евпраксія Вульфъ, дочери помещицы с. Пригорскаго. Справедливость этого утвержденія доказываетъ свидѣтельство А. Н. Вульфа, который въ своемъ дневникѣ подробно рассказываетъ объ отношеніяхъ Пушкина къ семьѣ Вульфовъ.

Пребываніе Пушкина въ Михайловскомъ, по мнѣнію біографовъ, было, прямо-таки, спасительно: оно вопрепятствовало поэту принять участіе въ извѣстномъ декабрьскомъ движеніи. „Оно поразило Пушкина, говоритъ Стоюнинъ. Первый его порывъ былъ самовольно оставить Михайловское и мчаться къ Петербургу; но благоразуміе взяло верхъ.

Онъ остался выжидать другихъ новостей“, —
Нѣтъ сомнѣнiя, что не политическiя убѣжде-
нiя заставили Пушкина сдѣлать попытку ѣхать
въ Петербургъ. Скорѣе всего это былъ по-
рывъ дружескаго чувства, желанiе быть среди
близкихъ людей, находящихся въ опасности.

V.

Коснувшись декабрьскаго движенiя, нельзя
пройти молчанiемъ политическихъ взглядовъ
и убѣжденiй Пушкина. Пушкинъ самъ гово-
рилъ, что „бунтъ и революцiя для него про-
тивны“ и что „лучшiя и прочнѣйшiя измѣ-
ненiя суть тѣ, которыя происходятъ отъ
улучшенiя нравовъ, безъ всякихъ насиль-
ственныхъ потрясенiй“ (VII, 222). Эти слова
достаточно ярко рисуютъ взглядъ Пушкина
на ходъ историческихъ событiй вообще. Но
отношенiе къ декабрьскому движенiю вызвано
было еще и другими соображенiями.

Если вникнуть въ сущность декабрьскаго
движенiя, то оно окажется движенiемъ чисто
дворянскимъ, если не по тѣмъ идеаламъ, кото-
рыхъ добивались молодые дворяне, участники
14 декабря, то по тѣмъ результатамъ, ко-
торыя могли быть слѣдствiемъ этого движе-
нiя. „Дворяне, говоритъ историкъ, въ по-
слѣднiй разъ помечтали объ установленiи своего

правительства“. Если бы движеніе 14 декабря было успѣшно, то классъ дворянъ пріобрѣлъ бы огромную политическую силу и, какъ классъ, преслѣдовалъ бы свои классовые интересы, т.-е. держался бы того политическаго и экономическаго строя, который ему болѣе всего полезенъ. Извѣстно, что большая часть дворянства возроптала еще при первыхъ попыткахъ разрѣшить крестьянскій вопросъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Пушкина. Высказывая сужденіе о другомъ неудавшемся политическомъ событіи, которое было бы весьма похоже по своимъ результатамъ на декабрьское движеніе, онъ говорилъ: „Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владѣльцы душъ, *сильные своими правами*, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія“. Пушкинъ хорошо зналъ дворянскую среду, которая въ своей массѣ была не подготовлена къ той политической роли, которую ей хотѣли предоставить декабристы. Кромѣ того, политическій опытъ другихъ странъ, особенно Англіи, показалъ, что *аристократическая* конституція вноситъ въ государство еще большую разнь между классами, чѣмъ монархическое управленіе, которое нивелируетъ всѣ классы.

Для выясненія политическихъ взглядовъ Пушкина очень важенъ и разговоръ съ англичаниномъ „о русскомъ крестьянинѣ“, изъ котораго приводимъ отрывокъ.

„Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человекъ лѣтъ тридцати-шести. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть несчастнѣй русскаго крестьянина?

„Англичанинъ: Англійскій крестьянинъ.

„Я: Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнью, несчастнѣе русскаго раба?

„Онъ: Что такое свобода?

„Я: Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

„Онъ: Слѣдовательно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

„Я: Такъ, но разница — покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

„Онъ: Ваша правда, Но *развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ?* Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными“.

Далѣе англичанинъ рисуетъ нѣсколько идиллическую картину быта русскаго крестьянства и; наоборотъ, ужасную судьбу англійскаго ра-

ботника. „Нѣтъ въ мірѣ несчастіе англійскаго работника“, говоритъ онъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ вымышленнымъ разговоромъ съ англичаниномъ Пушкинъ хотѣлъ показать, что счастье народа не зависитъ отъ образа правленія, а только отъ лицъ, стоящихъ во главѣ его, отъ ихъ „нравовъ“.

VI.

Декабрьское движеніе, какъ извѣстно, было подавлено въ самомъ началѣ и не принесло никакихъ практическихъ результатовъ. Пушкинъ, какъ самъ онъ писалъ Жуковскому, „съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ“. Это дало ему возможность хлопотать о разрѣшеніи поселиться въ одной изъ столицъ, что было его давнишней мечтой. Онъ считаетъ себя незапятнаннымъ въ политическомъ отношеніи и выражаетъ желаніе помириться съ правительствомъ. „Никогда, писалъ онъ Дельвигу, я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революцій, напротивъ. Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ искренно помириться съ правительствомъ, и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ него, не зависитъ“. То же самое писалъ и Жуковскому: „Мое будущее поведеніе зави-

силь отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.“

Друзья стали хлопотать о возвращеніи Пушкина изъ ссылки, и 4 сентября 1826 года, послѣ заявленія — „не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку“, получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву, гдѣ и былъ представленъ императору Николаю, который принялъ его очень ласково.

Съ этого момента, по мнѣнію многихъ биографовъ, начинается новый періодъ въ жизни Пушкина, ознаменованный не только зрѣлымъ поэтическомъ творчествомъ, но и широкой публицистической и журнальной дѣятельностью. Въ письмѣ къ Жуковскому онъ очень опредѣленно рисуетъ свое будущее положеніе по отношенію къ правительству и свой будущій образъ дѣйствій: „каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политической и религіозной, говоритъ онъ, я храню его про себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“. Итакъ, Пушкинъ вовсе не отказывается отъ своего образа мыслей, онъ только обѣщаетъ „безумно не противорѣчить“. На его глазахъ совершилось событіе, которое лишній разъ показало, что проводить свои идеи такъ, какъ хотѣли провести его друзья-„декабристы“, нельзя, и это

послужило для него новымъ урокомъ для его будущей дѣятельности. Въ статьѣ: „А. Радищевъ“, онъ очень опредѣленно высказываетъ объ этомъ свое мнѣніе. Онъ говоритъ, что „время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи... Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а *опыты* для него не существуютъ“.

Вся послѣдующая дѣятельность Пушкина показываетъ, что онъ вовсе не отказался отъ своего образа мыслей, выработаннаго имъ въ 20-хъ годахъ подъ вліяніемъ своихъ друзей, которые были только болѣе яркими выразителями стремленій лучшей части общества, но измѣнился отчасти взглядъ на средства проведенія этихъ возрѣній. Послѣ неудавшагося либеральнаго движенія, подавленнаго консервативнымъ правительствомъ, конечно, трудно было высказываться такъ, какъ это Пушкинъ дѣлалъ раньше; онъ понялъ это и направилъ свою дѣятельность въ другую сторону. Если извѣстныя реформы нельзя было осуществить, если онѣ нашли мало сочувствія въ широкой общественной средѣ, то это значило, что общество къ нимъ не подготовлено. Отсюда вытекала и программа для будущаго дѣятеля, проникнутаго сознаниемъ важности такихъ реформъ, какъ осво-

божденіе крестьянъ, гласный судъ и т. п. Ему нужно было позаботиться о приготовленіи общества къ воспринятію этихъ реформъ, къ сознанию ихъ цѣлесообразности и необходимости, ему нужно было формулировать то, что не всегда ясно и опредѣленно вытекало изъ условій жизни. Теперь, когда изъ общества исчезла цѣлая группа людей, которые такъ неудачно попытались провести въ жизнь свои требованія, оставшимся единомышленникамъ нужно было избрать только другія средства. И Пушкинъ это сдѣлалъ. Подводя въ концѣ жизни итогъ своей дѣятельности, онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

VII.

Многіе изслѣдователи утверждаютъ, что перемѣна убѣжденій Пушкина особенно ярко сказывается на его отношеніяхъ къ центральной власти и что стихотвореніе „Въ надеждѣ славы и добра“ служить лучшимъ подтвержденіемъ этого взгляда. Но эти изслѣдователи забываютъ, что отношеніе Пушкина къ императору

Александрѣ I не было вызвано личными мотивами. Царствованіе императора Александра I, которое такъ много обѣщало вначалѣ и такъ мало дало, обмануло надежды людей, воспитанныхъ въ задушевныхъ стремленіяхъ первыхъ его годовъ и поставленныхъ въ совершенно другую обстановку въ концѣ его. Это вызвало раздраженіе общества противъ Александра и его сподвижниковъ. Политика Александра, связанная съ малодушіемъ, была прямо, такъ оскорбительна для русскихъ, помнившихъ себя героями Двѣнадцатаго года, а въ концѣ царствованія низведенныхъ до роли исполнителей Меттерниховыхъ велѣній.

Такой императоръ не могъ нравиться и Пушкину, какъ гражданину и какъ поэту, воображеніе котораго поражаетъ только то, что можетъ превратиться въ поэтическій образъ. Еще въ началѣ царствованія онъ его воспѣваетъ, какъ героя Двѣнадцатаго года, а потомъ, какъ поэтъ, замалчиваетъ, а какъ гражданинъ отзывается неодобрительно. Въ 1826 г., по смерти Александра I, онъ писалъ Жуковскому: „говорятъ ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры — гласъ народа;

слѣдственно, я не совѣмъ былъ виновенъ, подвистывая ему до самаго гроба“.

Вступленіе на престолъ императора Николая Павловича Пушкинымъ было встрѣчено очень радостно, несмотря на сопровождавшія его печальныя обстоятельства, такъ какъ конецъ царствованія Александра былъ весьма печаленъ. „Трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ въ послѣдніе годы царствованія Александра“, пишетъ современникъ. „Онъ былъ подернутъ какимъ-то туманомъ. Послѣдніе годы жизни Александровой можно назвать затмѣніемъ“. (Шильдеръ IV, 220).

Симпатія Пушкина къ императору Николаю была вызвана не только хорошимъ отношеніемъ его къ поэту, не только тѣмъ, что онъ „почтилъ“ въ Пушкинѣ „вдохновенъ“ и т. д., но и многими другими прекрасными качествами, которыя особенно нравились современникамъ.

Извѣстно, что имп. Николай Павловичъ былъ большой любитель и цѣнитель искусства, что онъ часто покровительствовалъ художникамъ и писателямъ. Но особенно привлекательно для современниковъ было его искреннее желаніе исправить многія ненормальности русской жизни и политики. Царь не брезгалъ изученіемъ самыхъ грязныхъ подробностей тогдашняго строя. Онъ лично ревизовалъ ближайшія

столичныя учрежденія, при чемъ обнаружилъ знакомство съ самыми грязными продѣлками чиновниковъ. Въ губерніи онъ разослалъ саванниковъ для производства ревизій, которыя вскрыли массу злоупотребленій. Стало извѣстно что даже въ столицѣ ни одна касса не провѣрялась, и теперь были обнаружены огромныя растраты. Было обнаружено также огромное скопленіе неразобранныхъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, по которымъ въ тюрьмахъ сидѣли до 150 тысячъ человекъ; государь велѣлъ немедленно разсмотрѣть эти дѣла. Крестьянскій вопросъ тоже разсматривался, хотя и втайнѣ отъ общества; былъ изданъ указъ о „законномъ и христіанскомъ обращеніи“ съ крестьянами. Чтобы ограничить произволъ судей, было предпринято изданіе свода законовъ, для чего былъ призванъ дѣятель лучшей поры царствованія Александра — Сперанскій. Да и въ вопросахъ, близко касающихся литературы, въ началѣ царствованія Николай I обнаружилъ болѣе терпимости, чѣмъ все цензурное вѣдомство. Часто случалось, что государь разрѣшалъ печатать то, что раньше было запрещено цензурой.

Былъ еще одинъ вопросъ, который императоръ Николай разрѣшилъ такъ, какъ это было желательно русскому обществу, — это греческій вопросъ, связанный съ политикой

Меттерниха. Еще до восшествия на престоль онъ выражалъ свое расположеніе къ возставшимъ христіанамъ. Онъ считалъ чрезвычайно важнымъ не отдавать въ руки Англій монополию покровительства грекамъ, вмѣшался въ греческій вопросъ, и война съ Турціей окончательно отклонила Россію отъ ненавистной политики Меттерниха.

Такой образъ дѣйствій императора не могъ не нравиться современникамъ, привыкшимъ къ бездѣятельности правительства Александра I во вторую половину царствованія и испытаннымъ на себѣ всю тяжесть различныхъ злоупотребленій чиновниковъ того времени. Правда, и царствованіе императора Николая, особенно во вторую половину, было не безъ недостатковъ. Но оно казалось современникамъ, мало способнымъ къ исторической оцѣнкѣ фактовъ своей эпохи, явленіемъ болѣе отраднымъ, чѣмъ многообѣщавшее вначалѣ царствованіе Александра I.

Можно указать еще одно чисто душевное качество въ императорѣ Николаѣ, которое, быть можетъ, особенно нравилось Пушкину. Это забота императора о декабристахъ и ихъ семействахъ, съ которыми Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, близко стоя къ правительствен-

нымъ сферамъ, онъ не могъ не замѣтить, что поступки и стремленія, навѣянные *личнымъ побужденіемъ* государя и поступки, вытекавшіе изъ государственныхъ соображеній, были различны. Главнымъ несчастіемъ его было то, что его совѣтъ не готовили къ роли императора. Честный и прямой характеръ не позволялъ ему взяться за мало знакомое дѣло съ широкими планами, а потому, не зная, какъ реформировать государство, онъ отказался отъ всякихъ нововведеній и добровольно принялъ на себя роль консерватора. Онъ только исправлялъ то, что дѣйствительно было ненормально, подготавливая, въ то же время общество и государство къ тѣмъ реформамъ, которыя были совершены въ слѣдующее царствованіе, когда всѣ сознали необходимость въ нихъ.

Трудно сказать, всецѣло ли сочувствовалъ Пушкинъ такой *политикѣ*, но можно смѣло утверждать, что онъ симпатизировалъ императору Николаю. Объ этомъ свидѣлствуютъ и его стихотворенія и письма, а слова, сказанныя имъ на смертномъ одрѣ, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ искренность его симпатій.

Какъ бы то ни было, Пушкинъ преклонился предъ силой государственности, но не рабски, какъ это дѣлали другіе, а съ сознаніемъ права, заключавшагося въ его талантѣ, направлять

мысль не только русскаго общества, но и его верховнаго правителя и вершителя судеб. Поэтъ имѣлъ право сказать про себя:

„Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю“.

Сознаніе таланта давало Пушкину не только право, но и налагало на него обязанность проявлять свою просвѣтительную дѣятельность. Творчество было его могучимъ орудіемъ изображать дѣйствительность во всѣхъ ея проявленіяхъ такъ, чтобы это изображеніе нашло себѣ въ сердцахъ людей отзвукъ или сочувственный, или негодующій. Онъ долженъ былъ своими произведеніями дать правильное изображеніе жизни, выставить ея недостатки и преимущества, словомъ, дать обществу правильное понятіе о немъ самомъ. Таково должно было быть, преимущественно, содержаніе его произведеній. Но ему нужно было еще все изображать такъ, чтобы общество, увлекаемая формой, проникнулось и содержаніемъ. Онъ долженъ былъ „глаголомъ жечь сердца людей“, внушать желаніе исправить ненормальности ихъ личной и общественной жизни. „Пробужденіе добрыхъ чувствъ“, „призываніе милости къ падшимъ“, частыя ссылки на историческіе примѣры дѣятельности того или

другого великаго человѣка, — все это не было случайностью въ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ Николаевскую эпоху. Раньше, при императорѣ Александрѣ, увлекаясь общимъ настроеніемъ, онъ выражалъ тѣ же мнѣнія и требованія, но только рѣзче.

Нельзя сказать, что эта перемѣна произошла безъ посторонняго вліянія. Ниже будетъ сказано, какъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ эпохи, которая ярко отразилась въ тогдашней германской философіи, Пушкинъ отодвигается отъ людей XVIII вѣка и въ философскихъ вкусахъ, и въ литературныхъ теоріяхъ, и во взглядѣ на національный вопросъ. Къ этому времени космополитизмъ конца вѣка смѣняется постепенно новой теоріей, — теоріей народности, которая, какъ нельзя болѣе, совпадала съ общимъ ходомъ историческихъ событій.

Однако образъ дѣйствій Пушкина въ Александровскую эпоху не остался безъ вліянія и на дальнѣйшую его судьбу. Недостаточно было отказаться отъ него, чтобы примириться съ правительствомъ. Оно подозрѣвало Пушкина и боялось дать ему возможность свободно говорить и дѣйствовать. За нимъ усиленно слѣдили, и всякое невольное проявленіе чего нибудь нежелательнаго съ взглядами правительства вызывало выговоры и даже угрозы. Это

часто раздражало поэта, и онъ, уже сознательно, не сдерживая себя, выражалъ все то, что наболѣло. Отсюда получилось такое ненормальное положеніе поэта: онъ самъ искренно желаетъ дѣйствовать рука объ руку съ правительствомъ, „черезъ него проводить идеи просвѣщенія, идеи прогресса... вызвать въ правительствѣ сочувствіе къ просвѣщенію“ и т. д. (Якушкинъ, 62 ст.), а неловкій образомъ дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ изъ правительственныхъ сферъ мѣшаетъ этому и доводить даже до катастрофы...

Заканчивая краткій очеркъ главнѣйшихъ событій изъ жизни поэта, особенно ярко отразившихся на его судьбѣ и *дѣятельности*, подведемъ итогъ всему сказанному. Пушкинъ получилъ образованіе въ наиболѣе либеральную пору царствованія императора Александра, когда западно-европейскія политическія идеи стали извѣстны русскимъ не только изъ книгъ, но и изъ непосредственнаго наблюденія лицъ, побывавшихъ въ зап. Европѣ. Потомъ онъ долго вращался среди тѣхъ лицъ, которыя хотѣли воспользоваться этими идеями, выработанными въковой исторіей, и перенести ихъ на русскую почву. Обладая могущественнымъ средствомъ —

стихотворнымъ талантомъ, онъ способствуетъ распространенію этихъ идей и возбуждаетъ, зачастую въ рѣзкой формѣ, критическое отношеніе къ русской дѣйствительности и правительству. Рѣзкіе и часто необдуманые поступки возбуждаютъ противъ него правительство и доводятъ до ссылки на югъ. Эта ссылка, вмѣстѣ съ вліяніемъ западно-европейскаго пессимизма усиливаютъ раздраженіе и недовольство существующимъ порядкомъ, что повлекло за собою новую ссылку. Покинувъ югъ, гдѣ еще чувствовался въ немъ прежній „якобинецъ“ конца XVIII вѣка, но гдѣ также определенно обрисовываются въ немъ всѣ черты чело- вѣка девятнадцатаго историческаго вѣка, онъ проводитъ два года въ деревнѣ, занимается изученіемъ русской исторіи и русской жизни вблизи народа и среди чисто русской природы. Тѣмъ временемъ совершаются важныя событія въ русской исторіи, — умеръ имп. Александръ и вступилъ на престолъ имп. Николай I. Вступленіе на престолъ сопровождается бунтомъ „декабристовъ“, по большей части друзей и вдохновителей Пушкина въ области политики. Это событіе вырвало изъ русскаго общества лучшую его часть, которая необдуманно приступила къ проведенію лучшихъ стремленій того времени. Хладнокровіе общества, совсѣмъ не

Однако, каковы бы ни были первые шаги дѣятельности человѣка, — оригинальны или навѣяны постороннимъ вліяніемъ, — они часто кладутъ извѣстный отпечатокъ на всю его жизнь, опредѣляютъ его положеніе въ обществѣ, которое не всегда въ состояніи понять всю индивидуальность субъекта.

Такъ было и съ Пушкинымъ. Мы видѣли, что тотъ случайный образъ дѣйствій, который связанъ съ Пушкинымъ въ Александровскую эпоху, далъ нѣкоторой части современнаго ему общества представленіе совсѣмъ неправильное, такъ какъ оно было вызвано далеко „не лучшими чертами жизни“ поэта. Многое въ произведеніяхъ его въ Александровскую эпоху было *случайнымъ, временнымъ* и впоследствии не повторялось; но гораздо больше было такого, что характерно для *общаго* хода его дѣятельности, какъ въ Александровскую, такъ и въ Николаевскую эпохи.

Быть можетъ, при другихъ обстоятельствахъ этотъ характеръ дѣятельности былъ бы иной; но разъ обстоятельства сложились такъ, что привели Пушкина къ извѣстному *profession de foi* въ концѣ его жизни, то намъ нужно опредѣлить зачатки его въ первый періодъ его дѣятельности.

Пушкинъ былъ тѣсно связанъ съ обще-

ствомъ и идеями XVIII в., какъ по своему рожденію, такъ и по связямъ съ тѣми людьми, которые были воспитаны въ духъ просвѣтительной философіи. Главнымъ руководителемъ этихъ людей былъ Вольтеръ. Не избѣжалъ его вліянія и Пушкинъ. По его словамъ, „фернейскій крикунъ“ больше всѣхъ перечитанъ. Въ 1814 г. въ стихотвореніи „Городокъ“ онъ такъ выражаетъ свой восторгъ:

...отецъ Кандида:
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.

Очевидно, увлеченіе Вольтеромъ было очень сильно и замѣтно близкимъ къ нему лицамъ; такъ В. Л. Пушкинъ въ посланіи къ гр. Толстому говоритъ:

И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ...“

Онъ часто подражаетъ Вольтеру, пишетъ кощунственныя поэмы; въ порывѣ религиознаго свободомыслія онъ пишетъ одному лицу: „читаю Библію; Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира“, а далѣе сообщаетъ, что онъ „беретъ уроки чистаго аѳеизма“ у англичанина Гунчинсона.

Однако это увлеченіе „аѳеизмомъ“ вовсе

не было сильно; мы знаемъ, что многія его произведенія послѣдующей эпохи дышать глубокой вѣрой, а „уроки“ своего учителя-атеиста вполнѣдствіи онъ называлъ пустой болтовней. Отношеніе Пушкина къ Гунчинсону намъ прекрасно объясняетъ посланіе къ кн. Юсупову:

Скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деиству,
Какъ любопытный снѣвъ аеинскому софисту.

Вольтеровское свободомысліе онъ покидаетъ
еще въ Кишеневѣ, гдѣ онъ писалъ:

Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На Часословъ да на обѣдни,
Да сушеные грибы.

Но особенно отразились на Пушкинѣ политическіе взгляды конца XVIII вѣка. Революціонный 1789-й г. онъ называлъ „великимъ днемъ“ и мечталъ, что его имя будетъ написано „на обломкахъ самовластья“.

Отголоски революціонныхъ идей конца XVIII в. видны и въ другихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ дѣлаетъ пападки на „порочный дворъ царей“, жалуется на „невѣжества губительный позоръ“; Наполеона, уничтожившаго все то,

что приобрѣла революція. онъ называетъ „самовластительнымъ злодѣемъ“ и т. д.

Но и это увлеченіе чужими идеями не было прочно. Зачатки того образа мыслей, котораго онъ придерживался впоследствии, уже видны въ эту эпоху. Уже съ юга онъ пишетъ о своемъ „последнемъ либеральномъ бредѣ“, а также не безъ прониія говорить:

Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ.

Это увлеченіе „старымъ Парнассомъ“ сказалось и въ формѣ нѣкоторыхъ его произведеній. На нихъ ясно замѣтно вліяніе классицизма XVIII в. Въ эту эпоху имъ написано много одъ, посланій и стихотвореній „на случай“, которыя такъ были распространены при Екатеринѣ и еще раньше.

Въ самую раннюю эпоху своей политической дѣятельности, когда онъ еще увлекается Александромъ, какъ героемъ дня, онъ часто „воспѣваетъ“ его въ стихахъ. Вотъ какъ онъ обращается къ нему въ своемъ раннемъ стихотвореніи „Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ“.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ аонидъ
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ
дружныи,

Мой дѣхъ восторгомъ не горить!
О, если бѣ Аполлонъ пѣтовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищень
На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ время!

Такое стихотвореніе могло появиться только тогда, когда онъ еще не относился критически къ дѣятельности императора Александра, когда всѣ еще были увѣрены, что правительство вернется къ своей прогрессивной дѣятельности.

Въ этомъ же году онъ пишетъ оду: „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа“, гдѣ, въ восторгѣ отъ побѣдъ, онъ слѣдующимъ образомъ его воспѣваетъ:

...Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!...
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!...
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается,
По стогнамъ шумъ, вездѣ сияетъ торжество,
И, среди толпы, Россіи божество!

Въ слѣдующемъ году онъ называетъ его „гордыхъ смирителемъ, слабыхъ хранителемъ, всѣхъ утѣшителемъ“ и благодаритъ его за то, что онъ

...Безмятежную
Сѣнью надежную,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Однако такое обожаніе длилось не долго. Скоро политика Александра стала всеъмъ ясна, — Аракчеевъ сталъ знаменемъ ея. Недовольство такимъ положеніемъ вещей разрослось уже въ сильной степени и охватило много пылкихъ людей. Въ своемъ посланіи къ Чаадаеву Пушкинъ признается, что „не долго тѣшилъ насъ обманъ“, и говорить:

Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.

Онъ призываетъ Чаадаева „посвятить отчизнѣ души высокіе порывы“, надѣясь на лучшее будущее:

Товарищъ! вѣрь: взойдетъ она
Заря пѣбительнаго счастья.
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напшутъ наши имена.

Въ 1820 году Пушкинымъ написана „Ода на вольность“. Тутъ еще съ большей опредѣленностью выражается тогдашняя его точка зрѣнія. Обращаясь къ Наполеону, онъ говоритъ:

Теби, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ свирѣпой радостью я вижу.

Читають на твоємъ челѣ
Печать проклятiя народы;
Ты — ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Годомъ раньше, когда ему было предложено написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны, онъ даетъ объясненiе, почему раньше онъ такъ часто воспѣвалъ Александра:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,
И неподкупный голось мой
Былъ эхо русскаго народа.

Теперь же, когда ему ясенъ сталъ образъ дѣйствiя Александра, онъ говоритъ:

Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моею.

„Ода на вольность“ и нѣсколько эниграммъ на Аракчеева, гдѣ онъ изображался, какъ „всей Россiи притѣснитель“ и сравнивался съ Геростратомъ, были причиной высылки Пушкина изъ Петербурга. На югъ онъ старается

...вознаградить въ объятiяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщенiи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Здѣсь онъ часто жалуется на одиночество:

Цыры, любовницы, друзья,
Исчезли съ личными мечтами;
Одинъ, одинъ, остался я!

Разочарованность и въ дружбѣ и въ прошлой дѣятельности, недовольство своимъ положеніемъ становились все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе съ того времени, когда Пушкинъ ближе познакомился съ тогдашнимъ властителемъ умовъ, съ Байрономъ, поэзія котораго, какъ нельзя болѣе, подходила къ тогдашнему настроенію нашего поэта.

Эта эпоха жизни Пушкина, какъ извѣстно, ознаменована сильнымъ влияніемъ англійскаго пессимиста, которое выразилось не столько рабской подражательностью, сколько темпераментомъ *нѣкоторыхъ* его героевъ, при чемъ на всякомъ шагѣ видно, что это влияніе случайное, совершенно не свойственное характеру пушкинской поэзіи. При ближайшемъ знакомствѣ съ такими произведеніями можно даже вынести впечатлѣніе, что именно въ эту эпоху уже опредѣленно начинается зарождаться то высокое понятіе о нравственномъ долгѣ, которое такъ характерно для его поэзіи и вообще для всей его литературной дѣятельности, Если нѣкоторые герои его главнѣйшихъ про-

изведеній этой эпохи носить на себѣ черты байроническаго вліянія и дѣйствуютъ,

Въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произвольъ,

то рядомъ съ ними стоятъ образы, созданные гениемъ Пушкина, которые какъ будто нарочно выставлены въ противовѣсъ имъ. Рядомъ съ плѣнникомъ, съ его вѣрой въ „пдолъ свободы“, съ его „увядшимъ сердцемъ“, Пушкинъ представилъ высоконравственный образъ черкешенки; рядомъ съ Алеко, съ его грандіознымъ эгоизмомъ, онъ изображаетъ старика-цыгана, который неизмѣримо выше и чище этого ходульнаго героя. Вотъ какъ старикъ характеризуетъ Алеко:

Оставь насъ, *гордый человѣкъ!*
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли.

Вообще, какъ бы ни было велико вліяніе Байрона въ эту эпоху, какъ бы ни было сильно разочарованіе и въ жизни и въ людяхъ, Пушкинъ вѣрить въ возможность лучшаго будущаго, вѣрить, что

...Сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранить *одинъ* святой залогъ,
Одно божественное чувство.

Долгаго увлеченія Байрономъ и быть не могло, такъ какъ „Байронъ, поэтъ великой и свободной личности, съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ общества, замыкается въ самомъ себѣ, въ своемъ гордомъ презрѣннн къ людямъ. Пушкинъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сближается съ обществомъ, близко принимаетъ къ сердцу его интересы, становится выразителемъ его стремленій, привязывается ко всему родному, національному и ищетъ въ немъ вдохновенія“. (Морозовъ, „Дѣло“ 1887 г., 2 кн.)

Слѣды противорѣчій въ произведеніяхъ, какъ мы видѣли, не были единственными въ эту эпоху. Это была переходная пора въ жизни Пушкина, когда постороннія вліянія еще не пропали, а жизненный опытъ и нравственная зрѣлость еще не были настолько достаточны, чтобы онъ могъ выработать свое оригинальное міросозерцаніе.

Одно отрицаніе не могло удовлетворить Пушкина уже и въ это время. Хотя условія для его дѣйствительности были слишкомъ неблагоприятны, но онъ ужъ понималъ, что ему, общепризанному таланту, „нельзя отступать на поприщѣ ума“, и онъ все чаще задумывается надъ необходимостью для родины „просвѣщенной свободы“ и притомъ добытой

не иначе, какъ „по манію царя“. Рабство и угнетеніе народа его тяготятъ; вмѣстѣ съ другими лучшими людьми того времени онъ не можетъ смотрѣть равнодушно на позорное отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости волновалъ Пушкина *всю жизнь*, онъ много думалъ надъ его разрѣшеніемъ и обсуждалъ его во многихъ произведеніяхъ различныхъ эпохъ своей жизни.

Мы видѣли, что онъ часто мѣнялъ свой взглядъ на другіе вопросы, но взглядъ на этотъ вопросъ остался неизмѣннымъ всю жизнь. Слова:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее *по манію царя*,
И надъ отечествомъ *свободы просвѣщенной*
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

служать программой дѣятельности всей его жизни. Придя къ заключенію, что

Лишь тамъ
Не слышится людей стenanье,
Гдѣ крѣпко съ *вольностью святой*
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всемъ простертъ ихъ крѣпкій щитъ.

онъ всеми силами старался пробудить въ современникахъ сознаніе равноправности всехъ

предъ закономъ, сочувствіе къ ней и ненависть къ произволу, съ которымъ неразрывно связаны „бичи и желѣзы, законовъ гибельный позоръ, неволи немощныя слезы“.

Просвѣщеніе я, какъ результатъ его, „добрыя чувства“, по мнѣнію Пушкина, есть лучшее средство къ устраненію этихъ вѣковыхъ ненормальностей русскаго общественнаго строя. Въ концѣ своей жизни, суммируя результаты своей дѣятельности, онъ почти не касается другихъ своихъ заслугъ, весьма важныхъ по мнѣнію не только современниковъ, но и послѣдующихъ поколѣній, и говорить о своемъ преимущественномъ значеніи въ этой области:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшихъ призывалъ.

IX.

Взглядъ Пушкина, что главная заслуга поэта заключается въ просвѣтительной дѣятельности, имѣлъ свое обоснованіе, особенно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что его произведенія имѣли огромное вліяніе на современниковъ.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались тѣ изъ нихъ, которыя касались вопросовъ злободневныхъ; многія изъ нихъ, хотя и не попали въ печать, были извѣстны обществу и заучивались наизусть пылкой молодежью, которая въ царствованіе императора Александра была настроена очень радикально.

Несомнѣнно, что вниманіе къ произведеніямъ молодого начинающаго поэта очень льстило самолюбію Пушкина и, быть можетъ, заставляло иногда подлаживаться подъ вкусъ толпы. Но такое увлеченіе не было продолжительно. Какъ только Пушкинъ получилъ возможность устраниваться отъ вліянія слишкомъ радикально настроенныхъ элементовъ, онъ приходитъ къ заключенію, что цѣль и назначеніе поэзіи заключаются вовсе не въ томъ, чтобы трактовать о тѣхъ вопросахъ, которые въ настоящее время больше всего въ модѣ. Изъ деревни онъ пишетъ:

Я здѣсь, *отъ суетныхъ окозъ* освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣливой мольбѣ...

Съ этого времени въ немъ утверждается сознаніе, что поэтъ — „царь“, что не онъ долженъ

зависѣть отъ толпы, а, наоборотъ, она должна быть объектомъ ноученій.

... Дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный...
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой вышній судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.

До Пушкина мало кто интересовался вопросомъ, какъ и чего долженъ касаться поэтъ. До него поэзія была слишкомъ односторонняя, — она была проникнута или исключительно земнымъ или небеснымъ элементомъ. Одни сравнивали ее съ „фруктами и конфетами“ или „вкуснымъ лимонадомъ“, а другіе полагали, что „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“. Пушкинъ же сочеталъ тотъ и другой элементы настолько гармонично, что, по выраженію Бѣлинскаго, его поэзія есть „земля, проникнутая небомъ“.

Стихотворенія „Пророкъ“, „Поэтъ“, „Поэту“, „Чернь“ и др. даютъ обильный матеріалъ для опредѣленія взгляда Пушкина на поэзію. Матеріалъ этотъ уже достаточно хорошо использованъ изслѣдователями. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ, А. К. Бороздинъ: (Для Пушкина) „задача вполне ясна, такъ какъ

поэтъ есть пророкъ, возвѣщающій людямъ волю Божию; онъ дѣйствуетъ подъ наитіемъ „божественнаго глагола“, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ, уносясь въ идеальный міръ, оставался чуждымъ земной юдоли. Нѣтъ, онъ есть эхо, отзывающееся на всѣ звуки въ природѣ, слѣдовательно онъ отзывается на людскія радости и печали, онъ выразитель лучшихъ стремленій жизни, но, конечно, онъ дѣйствуетъ свободно и не можетъ подчиняться никакимъ стѣсненіямъ ни сверху ни снизу, такъ какъ все равно, „зависѣть ли отъ властей“, или „зависѣть отъ народа“. Въ своей сферѣ поэтъ — царь и, какъ таковой, онъ властвуетъ надъ людьми, пробуждая въ нихъ своей лирой *добрыя чувства*, указывая имъ *идеаль свободу* и внося во всѣ проявленія жизни *свѣтъ гуманности*. А что касается процесса творчества, то въ моментъ его, поэтъ личность необычайная. Когда

... Божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.

Быль ли такой взглядъ на поэта и поэзію выработана самостоятельно или подъ влияніемъ эпохи, трудно утверждать категорически. Есть

однако основаніе предполагать, что второе предположеніе вѣроятнѣе. Дѣло въ томъ, что „Поэтъ“, изъ котораго только что былъ приведенъ отрывокъ, напечатанъ въ 1827 году въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, и въ томъ же журналѣ, но номеромъ раньше (№ 2), было помѣщено стихотвореніе подъ тѣмъ же заглавіемъ, написанное поэтомъ-философомъ — Д. Веневитиновымъ, поклонникомъ Шеллинга. Оно еще ярче пушкинскаго рисуетъ тотъ взглядъ на поэта, который къ тому времени выработался у современниковъ подъ вліяніемъ германской философіи. По словамъ Веневитинова, поэтъ —

... это сынъ боговъ,
Любимецъ музъ и вдохновенья.

Вообще, при самомъ бѣгломъ просмотрѣ журналовъ (конечно, издаваемыхъ не Булгаринимъ съ К⁶), бросается въ глаза масса стихотвореній на тему „поэтъ, поэзія“. Такъ, Туманскій, поэтъ, подававшій надежды, пишетъ:

Перунамъ Зевсовымъ равны
Съ душевной, пламенной струны
Поэтомъ сорванные звуки!

У Туманскаго настолько велика вѣра въ присутствіе въ поэтѣ божественнаго элемента, что онъ сравниваетъ его съ ангеломъ. Когда Ве-

невитиновъ умеръ, онъ написалъ слѣдующіе, весьма наивные, но вполне соответствующіе духу времени, стихи:

Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
Его полетъ въ страны эмира,
Гдѣ вѣчна мысль, гдѣ воздухъ слить изъ розъ
И вѣчной жизнью дышитъ лира!
Друзья! онъ тамъ какъ бы въ семьѣ родной:
Тамъ ангелы его цѣлуютъ,
Его поять небесною струей
И милымъ братомъ именуютъ.

Такія увѣренія во всемогуществѣ поэтовъ, въ ихъ родствѣ съ ангелами не были единственными. Это было явленіе не единичное и не случайное, а вытекающее изъ условій общественной жизни, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Въ виду огромной важности вопроса о чрезвычайномъ возвеличеніи значенія поэтического таланта въ разсматриваемую эпоху мы приступимъ къ разъясненію его, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью Пушкина, какъ поэта и журналиста.

X.

Событія конца XVIII вѣка, казалось, подтвердили всѣ теоретическіе выводы раціоналистической философіи. Казалось, что всѣ прин-

ципы революціи утвердились навсегда. Не въ одной только Франціи были увѣрены, что скоро наступитъ владычество разума, что умъ человѣческій, этотъ основной двигатель прогресса человѣчества, дастъ возможность перестроить государства и ихъ внутреннюю жизнь по желательному плану, — стоитъ только извѣстному народу дать то или иное устройство, основанное на строгихъ правилахъ логики, и всѣ будутъ счастливы. Такой выводъ, съ одной стороны, давалъ увѣренность, что ростъ и передача знаній, которыя доступны всѣмъ народамъ безъ различія національныхъ и политическихъ раздѣленій, есть единственное условіе прогресса; съ другой — онъ отрицалъ историческую точку зрѣнія на ходъ развитія государства.

Но такая вѣра въ силу разума не долго продолжалась. Несостоятельность этого взгляда обнаружилась именно тамъ, гдѣ, казалось, онъ получилъ такое блестящее подтвержденіе. Наполеонъ республику опять превратилъ въ имперію, а его блестящіе успѣхи во внѣшней политикѣ ослѣпили французскій народъ, и онъ молча отказался отъ всѣхъ своихъ правъ, добытыхъ такой дорогой цѣной.

Однако дѣятельность того же Наполеона пробудила другіе народы. Дѣло началось съ Гер-

маніи. 1805 и 1806 годы были роковыми для нѣмецкой націи: Наполеонъ прекратилъ существованіе старой Германіи и замѣнилъ ее Рейнскимъ союзомъ подъ покровительствомъ Франціи. Такое порабоженіе вызвало у нѣмцевъ всеобщее пробужденіе національнаго духа. У всѣхъ пробудилась любовь къ родинѣ и ненависть къ французамъ, которые первые попрали провозглашенные ими же великіе принципы — *liberté, égalité, fraternité*.

Если раньше образованные классы всѣхъ народовъ были галломанами, то теперь, подъ вліяніемъ роковыхъ событій, каждый народъ хочетъ быть „самимъ собою“, отрекается отъ французскаго вліянія. Такимъ образомъ возникаетъ національный вопросъ. Германія въ то время была уже одной изъ образованнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Ея литература и философія уже имѣли нѣсколько великихъ представителей; имена Гёте, Шиллера, Канта и др. уже приобрѣли громкую извѣстность. Естественно, что въ этой странѣ прежде всего и возникъ національный вопросъ, родоначальникомъ котораго въ Германіи считаютъ философа Фихте.

Когда началась война съ французами, то обнаружился всѣмъ слабыя стороны нѣмецкаго общественнаго строя — отсутствіе патріотизма,

свокорыстныя стремленія и т. д. Несмотря на враждебныя дѣйствія французовъ, всё нѣмцы, особенно высшіе слои общества, относились къ нимъ не какъ къ врагамъ, а какъ къ людямъ, умственное и нравственное превосходство которыхъ неоспоримо. Такой образъ дѣйствій сограждаць особенно возмущилъ философа Фихте, который раньше почти совсѣмъ чуждался политическихъ вопросовъ. Теперь онъ задался цѣлью пробудить своихъ земляковъ отъ усыпленія и поднять ихъ нравственность. Въ своихъ рѣчахъ, онъ не щадилъ никого, всѣхъ порицалъ за эгоизмъ и мелочные интересы и всячески старался добиться того, чтобы эгоистическіе инстинкты уступили мѣсто чувству солидарности, при которомъ каждый человекъ любитъ и защищаетъ ту среду, въ которой живетъ. Чтобы добиться всего этого, по его мнѣнію, нужно дать прежде всего нѣмецкой націи новое нравственное воспитаніе.

Наполеоновскія войны вызвали возникновеніе національнаго вопроса не только въ Германіи. Онъ былъ возбужденъ, какъ мы видѣли, и въ Россіи, гдѣ увлеченіе французской философіей, литературой и модами получило особенное распространеніе. Если до наполеоновскихъ войнъ, говорить историкъ, всё русскіе страстно хотѣли быть французами,

то послѣ нихъ они не менѣе сильно желали стать русскими.

Пребываніе русскихъ войскъ въ Германіи не осталось безслѣдно: національное одушевленіе передалось и русскимъ. Съ этого времени нѣмецкія идеи, литература и философія привлекають къ себѣ вниманіе русскихъ, а французская философія съ ея вѣрой въ неотразимую силу разума все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе.

Если философія Фихте въ послѣдней стадіи своего развитія была выраженіемъ національной идеи, если ей первой было суждено пробудить въ Германіи національный духъ, то этого нельзя сказать относительно нея въ примѣненіи къ Россіи. Такая роль выпала на долю другого, тоже нѣмецкаго философа, который былъ до нѣкоторой степени его послѣдователемъ; отразившимъ на себѣ слѣды вліянія и другихъ философовъ. Такимъ философомъ былъ Шеллингъ, про котораго одинъ изъ видныхъ русскихъ послѣдователей, князь Одоевскій, говорилъ, что „въ началѣ XIX в. онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ былъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія — его душу“.

Такое мнѣніе относительно философіи Шеллинга — не единственное, — у него въ Россіи былъ цѣлый рядъ послѣдователей, преимущественно людей молодыхъ, близкихъ друзей Пушкина, который, если и не былъ особенно яркимъ послѣдователемъ, то все-таки, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подпалъ подъ его вліяніе. И особенно сильное вліяніе сказалось въ выработкѣ понятій „поэтъ“ и „поэзія“. Это заставляетъ насъ остановиться нѣкоторое время на изложеніи главнѣйшихъ и самыхъ общихъ основаній этой философіи.

Важнѣйшая заслуга Шеллинга состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку выработки монистическаго взгляда на исторію человечества. По мнѣнію тогдашняго общества, въ своей идеѣ единства мірозданія онъ далъ „аксіому которая обняла все и спасла многихъ отъ мукъ сомнѣнія“. Это было первое философское ученіе, въ которомъ *природа* и *человѣкъ* съ его внутреннимъ я были тѣсно связаны. Такое сближеніе не было случайнымъ. Въ то время въ естественныхъ наукахъ уже высказывались мысли о единствѣ всѣхъ жизненныхъ формъ. Недостатокъ точныхъ знаній эту теорію дѣлалъ болѣе или менѣе фантастичной, смотря по тому, гдѣ она примѣнялась.

Впрочемъ, въ то время мало кто обращалъ вниманіе на ея недостатки; для современниковъ важенъ былъ только тотъ принципъ единства въ мірозданіи, который давалъ возможность разсматривать всѣ природныя формы, какъ звенья общей цѣпи развитія.

Основной посылкой этой философіи „тождества“ было предположеніе, что только „подобное познается подобнымъ“. Природа должна осуществлять въ себѣ тѣ же законы, которые лежатъ въ основѣ нравственнаго міра, потому что въ противномъ случаѣ мы не могли бы ее понимать. Но, если мы можемъ познать подобное только подобнымъ, то посредствомъ сознанія мы можемъ познать только сознаніе, а разъ въ нашемъ сознаніи познается міръ, значитъ онъ есть не что иное, какъ видоизмѣненное сознаніе.

Отсюда и вытекаетъ главная задача философіи — „показать единство и тождество законовъ обоихъ міровъ, идеальнаго и вещественнаго, показать тождество знанія и бытія“. Лучшимъ средствомъ для этого, по мнѣнію Шеллинга, является „философія природы“, въ силу которой, исходя отъ природы, мы возведемъ ее къ духу, и это дастъ намъ возможность принять тождество того и другого. Если это такъ, то „пачальная причина“ произ-

водимости въ природѣ неотдѣлима отъ нея самой: она заключаетъ въ себѣ какъ „творимое“ такъ и „творящее качество“, а потому вещественное и идеальное неразрывно слиты въ вѣчномъ процессѣ міровой жизни. Этотъ процессъ, охватывающій обѣ противоположности (идеальное и реальное), которыя лежатъ въ основѣ міра, и есть сущность духовнаго начала. (Милюковъ, Главныя теч. р. историч. мысли).

Но какъ узнать этотъ процессъ и въ чемъ онъ состоитъ?

Если въ основѣ предшествующихъ философскихъ системъ преобладаетъ механическій взглядъ на явленія природы, то философія Шеллинга выставляетъ динамическое начало. Всѣ явленія въ природѣ развиваются въ силу необходимости, и каждое послѣдующее явленіе есть шагъ впередъ въ сравненіи съ предыдущимъ. „Природа совершаетъ цѣлый рядъ усилій, чтобы возвыситься до самосознанія“, и, въ то время какъ ея развитіе идетъ впередъ, подчиняясь необходимости, каждое отдѣльное явленіе отражаетъ на себѣ это развитіе, хотя и не въ одинаковой степени, — смотря по тому, какое мѣсто оно занимаетъ въ классификаціи міровыхъ явленій.

Только человекъ обладаетъ всѣми каче-

ствами, представляющими собою единство всего органическаго міра. Только въ немъ міръ нравственный и реальный сводятся къ *абсолютному тождеству*.

Но и не всякій человѣкъ обладаетъ тѣми качествами, которыя возвышаютъ его до этого абсолютнаго тождества. Чѣмъ выше интеллектуальное развитіе человѣка, чѣмъ выше его творческія способности, тѣмъ больше будетъ сближеніе его съ природой и тѣмъ легче онъ познаетъ тайну мирового единства.

Фантазія и поэтически-художественная дѣятельность человѣка, гдѣ сознательное и безсознательное объединяются, и онъ становится непогрѣшимымъ истолкователемъ мировыхъ явленій, служатъ главнымъ и единственнымъ средствомъ къ познанию. „Достоинство искусства состоитъ въ сообразіи онаго съ натурою, которой скрытнѣйшія происшествія обнаруживаются искусствомъ“, говоритъ Велланскій, одинъ изъ пионеровъ философіи Шеллинга въ Россіи.

Самъ Шеллингъ такъ формулируетъ этотъ способъ постиженія истины. Въ области художественнаго творчества проявляется высшій полетъ духа, къ какому только человѣкъ можетъ быть способенъ. Здѣсь обнаруживается тождество сознательнаго и безсознательнаго,

человѣкъ возносится на ту высоту, гдѣ онъ, при помощи особаго интеллектуальнаго созерцанія, при помощи нѣкотораго гениальнаго чутья, постигаетъ величайшія тайны мірозда-нія. Искусство въ которомъ это художественное чутье находитъ свое воплощеніе, и есть, по Шеллингу, единственный и вѣчный органонъ философіи.

Итакъ, значить, только поэтъ и художникъ могутъ разгадать міровыя загадки. Такое преимущество ставило поэтовъ выше толпы, которая занята только удовлетвореніемъ самыхъ насущныхъ потребностей. Но эта же толпа — вѣчный источникъ мученій для поэта: она его не понимаетъ, не въ состояніи понять. Литература, это — орудіе при помощи котораго онъ борется съ невѣжествомъ толпы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственное* средство борьбы, не допускающее никакихъ другихъ. Однако литература есть орудіе обоюду острое. Все зависить отъ того, какъ и что она проповѣдуетъ и кто ею пользуется. Въ странѣ, гдѣ литература явленіе новое, особенно трудно установить правильный взглядъ на нее. Есть люди, которые пользуются ею для своихъ корыстныхъ цѣлей, подлаживаясь подъ низменные инстинкты толпы. Истинный литераторъ, выдвинутый духомъ времени на пьедесталь (хотя бы только

въ своемъ личномъ воображеніи) и сознающій свое право „глаголомъ жечь сердца людей“, прежде всего старается внушить правильный взглядъ на литературу. Первые литераторы-практики становятся и первыми теоретиками. Они не ограничиваются одной областью чистаго искусства, но по мѣрѣ силъ и возможности касаются и другихъ вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ литературой, черпающей темы изъ жизни. Русскіе литераторы времени Пушкина были поставлены именно въ такое положеніе. Чѣмъ талантливѣе былъ писатель, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ двусмысленность своего положенія.

Пушкинъ былъ особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы публика правильно понимала роль литературы. Какъ писатель, сознавшій свою великую силу и посвятившій себя дѣлу просвѣщенія своей родины, онъ не могъ равнодушно видѣть поклоненіе такимъ непризнаннымъ „талантамъ“, которые или сами не понимали своей позорной роли, или сознательно подлаживались подъ вкусы мало-просвѣщеннаго общества.

Чтобы яснѣе понять необходимость такой дѣятельности, обратимся къ выясненію отношеній современнаго общества en masse къ Пушкину и къ его дѣятельности.

XI.

Общество, среди котораго приходилось жить и дѣйствовать Пушкину, поражаало своей невѣжественностью. Вотъ какъ описываетъ Пушкинъ кругъ тѣхъ людей, которые мнили себя аристократами во всѣхъ отношеніяхъ: „политика и литература для нихъ не существуютъ, остроуміе давно въ опалѣ, какъ признавъ легкомысля... Между тѣмъ всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его взять? И кто захочетъ выступить первый на сцену?“ Что касается мнѣнія этого общества относительно роли поэта, то оно полагало, что поэтъ, по словамъ Пушкина, „рожденъ для его пользы и удовольствія и дышитъ для того только, чтобы подбирать рѣшмы“.

И это было въ то время, когда люди болѣе близкіе къ литературѣ, какъ мы видѣли, были самаго высокаго мнѣнія о дѣятельности поэта.

Такое положеніе вещей не разъ вызывало негодованіе поэта, особенно ярко вылившееся въ стихотвореніи „Чернь“, а также и другихъ. Но, каково бы ни было общество, поэтъ отдаетъ на его судъ свои произведенія, ищетъ въ немъ сочувствія, а находитъ только „судъ глупца“ и „смѣхъ толпы“, Вотъ въ какихъ стихахъ онъ изливаетъ свою досаду:

Блаженъ, кто про себя тайлъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья.

Но не всегда Пушкинъ негодовалъ. Бесспособность этого онъ прекрасно понималъ. Оставить толпу „каменѣть въ развратѣ“ онъ не могъ по свойству своей дѣятельности, которая въ то время считалась чѣмъ-то святымъ, такъ какъ поэтъ и пророкъ по своему призванію считались очень близкими.

Пушкину, какъ литератору, для защиты своихъ правъ оставалось одно средство воздѣйствія на общество, — это журнальная дѣятельность. Отсюда и вытекло желаніе имѣть такой журналъ, гдѣ бы „умъ и честность“ могли развивающимъ образомъ дѣйствовать на публику, чтобы поднять ее до правильнаго пониманія литературныхъ вопросовъ, до пониманія назначенія поэта и его просвѣтительной дѣятельности.

Не случайно было то обстоятельство, что Пушкинъ особенно серьезно принялся за журнальную дѣятельность въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Его наталкивали на это поприще многія обстоятельства. Немаловажнымъ обстоятельствомъ послужило охлажденіе общества и придиричивое

отношеніе критики къ Пушкину, особенно замѣчаемыя въ эту эпоху. Приблизительно въ это время имъ написаны были лучшія произведенія: „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“ и др., въ которыхъ проявилась вся мощь его таланта, — и эти произведенія публикой были встрѣчены очень холодно. „Меня десять лѣтъ хвалили, Богъ вѣсть за что, писалъ поэтъ Погдину, а разругали за „Годунова“ и „Полтаву“ Критика же стала относиться къ нему прямо-таки враждебно. Въ „Телескопѣ“ писали, что „Борисъ Годуновъ“ зарѣзалъ Пушкина, какъ и Димитрія царевича, а въ другомъ журналѣ появилось такое стихотвореніе:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ
И Пушкинъ надоѣлъ,
И стихъ его не звученъ,
И гений охладѣлъ...
„Бориса Годунова“
Онъ выпустилъ въ народъ...
Убогая обнова,
Увы, на новый годъ.

Въ своей оцѣнкѣ „Бориса Годунова“ критики дошли даже до того, что произведеніе Ѳедорова съ такимъ же заглавіемъ ставили выше только потому, что оно написано рѣмами. Другія произведенія тоже не пользовались большимъ вниманіемъ. Есть свидѣтельство, что

даже самая отзывчивая часть общества, студенты, руководимая проф. Мерзляковымъ, сочувствовала неодобрительнымъ отзывамъ критики.

XII.

Охлажденіе общества къ поэту именно въ тотъ моментъ, когда талантъ его созрѣлъ, очень характерно объясняетъ самъ Пушкинъ, оцѣнивая въ 1831 г. дѣятельность Баратынскаго, литературная судьба котораго во многомъ сходна съ судьбой нашего великаго поэта. Первые юношескія произведенія Баратынскаго, по мнѣнію Пушкина, были встрѣчены сочувственно потому, что „понятія, чувства всемнадцатилѣтняго поэта еще близки и средны всякому... Но лѣта идутъ, юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются, пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни“. Дальнѣйшія произведенія встрѣчаютъ холодный пріемъ, и ихъ оцѣниваютъ по достоинству только люди, близкіе къ поэзіи. Итакъ, зрѣлыя произведенія остаются не понятными. Критика же, которая могла бы руководить общественнымъ мнѣніемъ, въ самомъ жалкомъ состояніи. Есть писатели, кото-

рые подлаживаются подъ вкусъ толпы, но истинный поэтъ, какимъ былъ Баратынскій, не старается малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, и это конечно не нравится большинству“.

Жалкое было въ то время положеніе литературы. Она сосредоточивалась по большей части въ тощихъ журналахъ, страницы которыхъ наполнялись безграмотными переводами, безчисленными стихотвореніями и вялыми статьями. Литературная критика была крайне слаба и пристрастна, а полемика преступала всякія границы приличія. Вотъ что объ этомъ говоритъ кн. Одоевскій въ одной повѣсти, имѣющей несомнѣнно автобіографическій характеръ и относящейся къ разсматриваемой эпохѣ: „въ эту позорную эпоху нашей критики литературная брань выходила изъ границъ всякой благопристойности; литература въ критическихъ статьяхъ была дѣломъ постороннимъ; онѣ были просто ругательство“.

Къ такому положенію дѣлъ не могъ равнодушно относиться Пушкинъ, который цѣлью своей жизни поставилъ служеніе вопросамъ литературы и тѣсно съ ними связаннымъ вопросамъ просвѣщенія. Еще будучи въ Михайловскомъ, онъ жалуется кн. Вяземскому даже на лучший тогдашній журналъ, „Моск.

Телеграфъ“, издаваемый Полевымъ. Его сердца частыя „завиранія“ и плохая критика этого журнала.

10 августа 1826 г. онъ пишетъ: „Когда-то мы возьмемъ за журналъ! Мочи нѣтъ, хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ“. Уже изъ этихъ строкъ мы видимъ, что поэтъ серьезно задумывается надъ основаніемъ своего журнала, который по возможности удовлетворялъ бы всѣмъ требованіямъ серьезнаго органа. Такимъ органомъ, по мнѣнію Пушкина, долженъ быть такой журналъ, гдѣ бы могли работать люди, извѣстные въ литературѣ, признанные всѣми таланты, а не торгаши, для которыхъ успѣхъ журнала тѣсно связанъ съ коммерческими видами. Изъ такихъ торгашей особенно были извѣстны Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій, составившіе впоследствии своего рода триумvirатъ и державшіе всѣхъ остальныхъ журнальныхъ дѣятелей въ трепетѣ. Желая удержать за собою журнальную монополию, они не брезгали никакими средствами, прибѣгали даже къ доносамъ. Просвѣтительные интересы имъ были совсѣмъ чужды; они не только не заботились о проведеніи правильныхъ взглядовъ на роль и сущность литературы, но, напротивъ, всячески старались поддѣлываться подъ вкусъ толпы.

Пушкинъ уже давно сознавалъ, что „пора уму и знаніямъ вытъснить и Булгарина и Федорова“. Но не только дѣятельность Булгарина, Греча и К^о возмущали его. И другіе журналы, вполне честные и издаваемые людьми, заинтересовавшимися литературой вполне безкорыстно, не могли удовлетворить Пушкина. Онъ не могъ равнодушно относиться къ тѣмъ сужденіямъ критики вкривъ и вкось, которыя высказывались ею въ „М. Т.“, „Пол. Зв.“ и др. журналахъ. Въ своемъ осужденіи русской критики онъ дошелъ даже до отрицанія ея. Вотъ что писалъ онъ А. Бестужеву: „...Литература еще кое-какая у насъ есть, а критики нѣтъ... Мы не имѣемъ ни одинаго комментарія, ни единой критической книги... что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? Но признайся, что все это не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны; вотъ все что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика?“

Мы видѣли изъ вышеприведеннаго письма къ кн. Вяземскому, что Пушкинъ выражаетъ желаніе имѣть свой журналъ еще въ Михайловскомъ.

XIII.

Осуществленіе этого желанія не заставило себя долго ждать. Вскорѣ послѣ извѣстныхъ событій въ декабрѣ 1825 г. Пушкинъ получилъ, наконецъ, возможность оставить мѣсто ссылки и отправиться въ Москву. Здѣсь благодаря своему, хотя и довольно не близкому, родству съ Д. В. Веневитиновымъ, онъ сошелся съ людьми, которые, по выраженію кн. Одоевскаго, обладали умомъ, сердцемъ и образованностью, сохранили секретъ никогда не старѣться. Въ числѣ ихъ, кромѣ Веневитинова, были Погодинъ, Шевыревъ, бр. Кирѣевскіе, Рожалинъ, Кошелевъ, Соболевскій и др. Пушкинъ къ этимъ лицамъ всегда относился съ особеннымъ уваженіемъ и былъ высокаго мнѣнія относительно ихъ писательскихъ способностей.

Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ съ Веневитиновымъ во главѣ, образовали „Общество любомудрія“, главной цѣлью котораго было изученіе философіи Шеллинга съ тѣмъ, чтобы теоретическіе выводы ея примѣнить къ Россіи. Общество это существовало не долго и было закрыто самими членами его въ концѣ 1825 г. Однако идеи, которыя здѣсь обсуждались, не пропали безслѣдно: онѣ глубоко вкоренились

въ членахъ этого литературнаго кружка и отразились на ихъ литературной дѣятельности.

Ученіе Шеллинга было отраженіемъ въ философіи возрѣвннй и чувствъ нѣмецкаго романтизма. Усвоеніе этого ученія въ Россіи было однимъ изъ частныхъ случаевъ общаго вліянія романтизма. (Милюковъ.) Рационалистическая философія въ то время уже почти никого не удовлетворяла, ея теоретическіе выводы были поколеблены историческими событіями. Это охладило увлеченіе политикой. Теперь всѣ бросаются въ область фантазій и поэзій, — „отъ шума внѣшнихъ событій обращаются въ область внутренней жизни“. Въкъ просвѣтительной эпохи былъ лишень, какъ мы говорили раньше, того историческаго чутья, которое проявляется въ пониманіи значенія различныхъ эпохъ и ихъ сущности. Увлекаясь общимъ, онъ мало обращалъ вниманія на индивидуальное. Теперь, когда въ противоположность отвлеченно-логическому мышленію былъ выдвинутъ элементъ художественнаго чутья и созерцательнаго постиженія, романтизмъ заставляетъ вдумываться въ характерныя черты каждой эпохи и cadaго народа. Кромѣ того теперь поняли, что еще недостаточно признать извѣстный принципъ великимъ и желательнымъ извѣстной *частью* общества, чтобы провести

его въ жизнь. Нужно еще считаться съ тѣмъ обществомъ, съ той массой, для которой онъ предназначенъ.

Почва, подготовленная для возникновенія національнаго вопроса на Западѣ, существовала и у насъ. Событія двѣнадцатаго года показали всю мощь народной энергіи, такъ какъ интересы народа глубоко совпали съ интересами государства. Съ другой стороны, событія 14-го декабря показали инертность общества, политически не воспитаннаго и мало знакомаго съ проповѣдываемыми идеями.

Всѣ эти и подобныя имъ событія заставили многихъ призадуматься надъ *историческимъ значеніемъ народа*. Нигдѣ такъ не игнорировали народъ, какъ въ Россіи того времени. Ни правительство ни даже само общество не понимало его роли. Но знакомство съ западно-европейскою философіей, объяснявшей смыслъ многихъ историческихъ событій и уже выдвинувшей національный вопросъ, пробудило мысль въ этомъ направленіи и въ Россіи. Явились въ Петербургъ и въ Москвѣ профессора, которые съ кафедръ излагали, между прочимъ, философію Шеллинга.

Въ Москвѣ такими профессорами были Давыдовъ и Павловъ, у которыхъ въ числѣ прочихъ студентовъ слушалъ лекціи и Венив-

тиновъ. Въ то время въ Россіи были въ большой модѣ кружки всякаго рода, — и литературные, и философскіе, и политическіе. Пробужденная жажда дѣятельности способствовала тому, что члены этихъ кружковъ мало интересовались чисто научной стороной дѣла; они больше всего думали о практическомъ примѣненіи разрабатываемыхъ идей.

Члены „Общества любителей“ тоже стремились къ практической дѣятельности. Въ чемъ же она могла выразиться? Историческія условія сложились такъ, что всю инициативу въ сферѣ общественной дѣятельности взяло на себя правительство, т.-е. именно ту область, гдѣ всего интенсивнѣе можно было приложить свои знанія и способности. Но еще оставался одинъ родъ дѣятельности — литература, гдѣ представлялась хоть какая-нибудь возможность проводить правильные взгляды не только на роль ея самой, но и коснуться нѣкоторыхъ наболѣвшихъ общественныхъ вопросовъ. Литература всегда играетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ пробужденія общественнаго самопознанія, — она формулируетъ и подчеркиваетъ все то, что едва только выдвигается жизнью.

Къ такому выводу пришелъ кружокъ Веневитинова. Взгляды этого кружка вполнѣ определенно выразились въ статьѣ Веневитинова: —

„Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала“. „Мы должны взирать на каждый народъ, говоритъ онъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ все свои усилія, ознаменованная печатью особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; *цель просвѣщенія* или самопознанія народа *есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ долгахъ* и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія“ (Соч. 164, 5).

Итакъ, каждый народъ есть „лицо отдѣльное“. Хотя во многихъ случаяхъ все народы обладаютъ общими чертами, свойственными всему человѣчеству, но у каждаго изъ нихъ есть черты частныя, которыя и суть причиной разнообразія въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Такія черты создаются психическими и физическими условіями, и итогомъ взаимодействія ихъ является *національность*.

Отсюда, при изученіи всемірной исторіи, является необходимость опредѣлить роль и мѣсто каждаго народа въ общемъ историческомъ движеніи.

Чтобы узнать, къ какой роли предназначенъ русскій народъ, — а роль его еще предполагалась неизвѣстной,⁹ — нужно было его изучить, „найти то преимущественное, исключительное начало въ его исторіи, которое со-

общаетъ ему особый характеръ, національность, и отличаетъ его всѣмъ этимъ отъ другихъ народовъ“.

Но какъ это сдѣлать, какія для этого средства?

Сообразуясь съ требованіями философіи, Веневитиновъ полагаетъ, что нужно прежде всего изучить русскую литературу, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражается умственное и нравственное состояніе народа; а чтобы изучить литературу и дать ей, въ случаѣ надобности, надлежащее направленіе, необходимо установить твердыя критическія правила, которыя дали бы возможность отдѣлать истинно народное отъ заимствованнаго и реальное отъ вымышленнаго.

Такое изученіе русской литературы неминуемо доказало бы отсутствіе самостоятельности въ развитіи нашего общества и могло бы указать тѣ средства, которыя нужны для того, чтобы поставить русское общество на самостоятельный путь развитія, свойственный только одной русской націи. Подражательность, по мнѣнію „любомудровъ“, есть главное бѣдствіе русской литературы, она мѣшаетъ непрерывному самопознанію русскаго общества, которое необходимо для опредѣленія роли Россіи въ міровой исторіи.

Итакъ прежде всего нужно имѣть критику правильную, нелицепріятную, не основанную на сватовствѣ, кумовствѣ и дружескихъ отношеніяхъ, но вѣренную истинно русскимъ литераторамъ, которымъ близки интересы родины.

Мы видимъ, что желаніе веневитиновскаго кружка имѣть собственный органъ совпало съ такимъ же желаніемъ Пушкина.

XIV.

Когда Пушкинъ прибылъ въ Москву и нашелъ въ кружкѣ Веневитинова людей, всею душою преданныхъ литературѣ, то у него невольно явилось желаніе поработать именно съ ними на журнальномъ поприщѣ, особенно послѣ того, какъ они сами пошли навстрѣчу его желаніямъ. Намѣреваясь издать альманахъ „Гермесъ“, Веневиновъ и Погодинъ обратились къ Пушкину за содѣйствіемъ. Пушкинъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сказала: „Альманахъ не надо издавать, пусть Погодинъ издастъ въ послѣдній разъ, а *посль станемъ издавать журналъ*; кого бы редакторомъ“.

Пушкинъ еще раньше подумывалъ о журналѣ. Въ февралѣ 1826 г. вотъ что онъ писалъ Катенину: „Будущій альманахъ радуеть

меня несказанно, если разбудить тебя для поэзии. Но знаешь ли что? Въмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журналъ въ родѣ *Edinburg Review*? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ...“

Кружку Веневитинова очень понравилось предложеніе Пушкина издавать журналъ. „Помяся“, Погодинъ отправился къ нему. „Журналъ благословляетъ“, восклицаетъ онъ въ дневникѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ Погодинъ, въ помощники ему избранъ Рожалинъ. Журналъ же назвали „Московскимъ Вѣстникомъ“.

Изданіе велось на коллективныхъ началахъ, статьи должны были помѣщаться по большинству голосовъ главныхъ сотрудниковъ. Пушкину былъ назначенъ огромный гонораръ — съ каждаго 1200 экз. 10.000 руб. Видно, что кружокъ очень дорожилъ участіемъ поэта.

Появленіе новаго серіознаго журнала не могло быть пріятно „Моск. Телегр.“, который основанъ былъ немного раньше по типу иностранныхъ обзорѣній (*Review, Revue, Allgemeines Repertorium* и т. д.).

Пушкинъ, хотя и не долюбивалъ этотъ журналъ, но до этого времени все-таки помѣщалъ въ немъ свои произведенія, какъ, напри- мѣръ, отрывокъ изъ „Цыганъ“, „Телѣга жизни“,

„Элегія“, нѣсколько эпиграммъ и пр. Можно предположить, что Пушкинъ здѣсь помѣшалъ свои произведенія только потому, что въ журналѣ принималъ ближайшее участіе кн. Вяземскій, къ которому Пушкинъ всегда относился съ особеннымъ уваженіемъ. Полевого же онъ не любилъ за его невѣжество, безграмотность и юркость.

Когда братья Полевые пришли къ Пушкину, то онъ принялъ ихъ холодно, чѣмъ они были удивлены. По мнѣнію Ксенофонта Полевого, такое отношеніе скоро объяснилось очень просто, — изданіемъ „М. В.“, а также высокомѣріемъ „потомка бояръ Пушкиновыхъ къ смиренному гражданину“. „Такой образъ мыслей мѣшалъ Пушкину сблизиться съ Н. А. Полевымъ и естественно заставилъ его легко согласиться на предложеніе *безвѣстныхъ молодыхъ людей*, которые просили его быть не столько сотрудникомъ, сколько покровителемъ предпринимаемаго ими журнала“.

Такое объясненіе слишкомъ односторонне. Въ глазахъ Пушкина венеитиновскій кружокъ вовсе не былъ безвѣстнымъ. Литературная дѣятельность кружка была извѣстна ему по предыдущимъ изданіямъ альманаховъ Мнемозины и Урагн; да и ближайшее знакомство съ нимъ въ Москвѣ показало всю серіозность

преслѣдуемыхъ имъ задачъ. Въ присутствіи его Пушкинъ читалъ впервые отрывокъ изъ своего любимаго стихотворенія „Борисъ Годуновъ“, — значить, онъ даже дорожилъ его мнѣніемъ.

Нельзя также согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что будто бы Пушкинъ отказался участвовать въ „М. Т.“, потому что этотъ журналъ былъ „открытой ареной для всѣхъ писателей съ самыми различными мнѣніями объ искусствѣ“. Лучшимъ опроверженіемъ этого взгляда можетъ служить письмо Пушкина къ Катенину, въ которомъ онъ говоритъ, что тотъ „отучилъ его отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ“, а также отрывокъ изъ письма къ кн. Вяземскому. „Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. Итакъ никогда порядочные люди вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ. Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ — все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надобно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны, чтобы переводить, выписывать, объяснять etc., etc. Это черновая работа журнала, вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ! Но онъ долженъ:

1) знать грамматику русскую, 2) писать со смысломъ, т.-е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связать ихъ глаголомъ. *А этого Полевой и не умѣетъ.* Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Растопчина и согласиесь со мной, что *ему невозможно довѣрять издавіе журнала, освященнаго нашими именами*“.

Это письмо прекрасно объясняетъ причину, почему Пушкинъ брезгалъ „смирненнымъ гражданиномъ“. Тутъ не было никакихъ кастовыхъ предразсудковъ, — было лишь желаніе поставить литературное дѣло на подобающую высоту. Только „честный образъ мыслей, умъ, даровитость и въ особенности искренняя, безкорыстная преданность интересамъ литературы и искусства“ (Майковъ) членовъ венеитиновскаго кружка способствовали сближенію Пушкина съ ними.

XV.

Итакъ, возникъ новый журналъ „Московскій Вѣстникъ“. Пушкинъ обѣщаль помѣщать здѣсь все свои произведенія. Онъ, да и другіе сотрудники, сначала взялись серьезно за дѣло. Пушкинъ сталъ хлопотать о привлеченіи возможно большаго числа выдающихся сотрудниковъ. 21 ноября 1826 г. онъ писалъ

Языкову: „Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ „М. В.“, слѣдовательно и вы также. Непремѣнно будьте же нашъ“. Далѣе, въ томъ же письмѣ, онъ выражаетъ сожалѣніе по поводу нежеланія кн. Вяземскаго участвовать въ „Московск. Вѣстникѣ“; „одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу“, — жаль, но что же дѣлать“.

Веневитиновъ, послѣ своего переѣзда въ Петербургъ, писалъ Соболевскому: „Надобно, чтобы въ каждомъ номерѣ было имя Пушкина. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и др. Истинные литераторы за насъ, Дельвингъ тоже поможетъ, и Крыловъ не откажется отъ участія. Примитесь за дѣло только единодушно, и оно покатится“.

„Московскій Телеграфъ“, должно-быть, благодаря вліянію кн. Вяземскаго, тоже привѣтствовалъ новый журналъ очень дружески. „Можно поздравить читателей русскихъ журналовъ, сообщалось въ „Телеграфѣ“, или вообще просвѣщенныхъ читателей нашихъ съ появленіемъ „Московскаго Вѣстника“. Имя Пушкина fortuna для журнала, а онъ, какъ сказано въ объявленіи о новомъ изданіи, преимущественно въ немъ участвуетъ“.

Нельзя также сказать, что литераторы враждебнаго лагеря отнеслись слишкомъ враждебно къ появленію новаго журнала. Только въ „Северной Пчелѣ“ находимъ слѣдующее довольно ядовитое замѣчаніе по адресу вдохновителя журнала — А. С. Пушкина: „нѣкоторые изъ иногородныхъ нашихъ подписчиковъ поручили намъ подписаться на журналъ, издаваемый А. С. Пушкинымъ. Наудачу (?) мы выписали для нихъ журналъ, издаваемый г. Погодинымъ, въ которомъ нашъ первоклассный поэтъ обѣщаль участвовать преимущественно. Впрочемъ просвѣщенные и привычные читатели журналовъ знаютъ, что значить преимущественное участіе поэта“.

Казалось, все предвѣщало удачу новому изданію. „Время, въ которое возникъ „М. В.“, по словамъ Погодина, было самое благоприятное и оживленное въ литературѣ“. Цензоромъ былъ назначенъ видный писатель С. Т. Аксаковъ („мы съ Шевыревымъ успокоились“, писалъ въ дневникѣ Погодинъ) и сотрудники были все люди талантливые, а дѣло шло плохо. Собственно говоря, неудачу предвидѣли сами сотрудники. Въ *первой* книжкѣ за 1827 г. находимъ слѣдующее письмо къ редактору:

„Ты въ упоеніи надежды мечтаешь, что все обратили на тебя вниманіе... О, какъ ты

заблуждаешься... Жаль мнѣ разочаровывать тебя, — но что дѣлать? — обманывать друга грѣхъ. Я поведу тебя къ горькой чашѣ истины. Гдѣ же бы дать тебѣ первый приемъ ея? Начнемъ съ великолѣпныхъ чертоговъ знатнаго богатаго барина. Управитель, которому всегда поручено читать газеты, объявивъ о всѣхъ важныхъ новостяхъ, имъ прочитанныхъ, ни слова не промолвилъ о твоёмъ журналѣ: онъ замѣтилъ издавна, что его баринъ всегда пропускаетъ мимо ушей такія новости и часто даже сердится за оныя. — Юный полуученый сыночекъ его не рассмотрѣлъ твоего объявленія, потому что глаза его разбѣжались по извѣстіямъ о первомъ собраніи, маскарадѣ и пр. — Разсѣянная Эмпілія, за котильономъ услышавъ отъ своего кавалера о новомъ журналѣ, спросила: „тамъ будутъ и моды?“ и, получивши отвѣтъ отрицательный, ужъ болѣе про него не спрашивала... Лихой пафзидникъ, скотолобивый *bon vivant*, схватилъ было твое объявленіе, да увидѣлъ, что ты ни о коняхъ, ни о чемъ конскомъ толковать не намѣренъ, тотчасъ завернулъ въ него лѣкарство для своего ненагляднаго друга, для гнѣдаго Геркулеса, который вмѣстѣ съ прочими богами и богинями красуется въ его конюшнѣ. — Устарѣвшій повѣса, который когда-то учился, да и теперь еще

съ базара свѣтскаго забѣгаетъ на базаръ литературный, взглянулъ и на твое объявленіе; но какъ дочитался до какой-то „теоріи и практики“, то въ одинъ мигъ закурилъ имъ трубку, обвиняя тебя въ излишнемъ педантизмѣ... Но я боюсь за тебя другъ мой; ужь не прервать ли намъ наше путешествіе? Ты спѣшишь, какъ я вижу, къ тѣсной и темной кельѣ ученаго и еще лучъ надежды не погасъ въ твоихъ взорахъ. Ты съ трепетомъ ожидаешь отъ него мнѣнія; его вниманіе можетъ нѣсколько тебя утѣшить. Онъ прочелъ твое объявленіе и безмолвно положилъ его на свой столикъ... Но ты надѣешься въпослѣдствіи пробудить вниманіе публики. Другъ мой, если трудно бороться съ невѣжествомъ, то еще труднѣе съ равнодушіемъ“.

Вотъ какая перспектива ожидала „М. В.“, по мнѣнію корреспондента. Выводъ былъ слишкомъ пессимистичный, и съ нимъ Погодинъ не могъ согласиться, что и поспѣшилъ заявить въ томъ же номерѣ.

„Правда, говорилось въ отвѣтъ, что чтеніе не сдѣлалось еще у насъ такой необходимостью, какъ у иностранцевъ, кои откладываютъ деньги на книги вмѣстѣ съ деньгами на главныя житейскія потребности; но правда и то, что во всѣхъ сословіяхъ нашего царода кругъ

людей благомыслящихъ мало-по-малу распространяется, что люди принимаютъ живое участіе въ общемъ дѣлѣ человѣческаго образованія, жаждутъ познаній и съ удовольствіемъ смотрятъ на всякое литературное произведеніе, которое въ извѣстномъ отношеніи можетъ служить *термометромъ сего образованія въ отечествѣ*. Такимъ людямъ посвящается Московскій Вѣстникъ“.

Но, видно, такихъ людей было мало, такъ какъ подписчиковъ было мало. Кромѣ того, оказалось, что сотрудники мало были знакомы съ практической стороною изданія, и журналъ мало правился нѣкоторымъ изъ нихъ съ самаго начала. Веневитиновъ писалъ Погодину, что первый номеръ „Московского Вѣстника“ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе и приводилъ слѣдующія причины: во-первыхъ, мало листовъ, во-вторыхъ, слишкомъ крупны статьи; наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій. Онъ даже совѣтовалъ первое время подлаживаться подъ вкусъ толпы, чтобы потомъ лучше вліять на нее. „Главное—отнять у Булгаринныхъ ихъ вліяніе“.

Неудачи ослабляли энергію редактора Погодина, и онъ даже подумывалъ бросить изданіе. Пушкинъ старался ободрить его. 31 августа 1827 г. онъ ему писалъ: „Ради Бога,

не покидайте Вѣстникъ; на будущей годъ обѣщаю вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю всѣ связи съ альманашиками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда, въ ней слишкомъ мало вздору“.

Другіе литераторы тоже находили, что журналъ „слишкомъ дѣленъ“. Въ маѣ 1827 г. Плетневъ писалъ Вяземскому: „М. В.“ кипитъ дѣятельностью. Кажется, однакожь, что онъ слишкомъ круто все хочетъ перевернуть. Ему хочется вдругъ развить у насъ германскія идеи... Это какъ-то мутитъ воду и не даетъ ей быстрѣйшаго теченія“. — Однако дѣла отъ такихъ совѣтовъ не улучшались. Къ тому же Веневитиновъ умеръ, Шевыревъ уѣхалъ въ Италію, а Пушкинъ, только и думалъ, какъ бы уйти подальше отъ общества. Въ 1829 г. онъ уѣхалъ на Кавказъ спасаться отъ мучительной тоски. Отраженіемъ состоянія его духа служатъ такіа мрачныя стихотворенія, какъ „Даръ напрасный“, „Снова тучи“ и др.

Но онъ все-таки не забывалъ свой журналъ и старался всячески ободрить Погодина, къ которому теперь перешли всѣ заботы по веденію изданія. Въ іюль 1828 г. онъ ему

пишетъ: „М. В., конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси; должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Федорова“. „Впередъ, и да здравствуетъ М. В.“

Но журналъ все-таки просуществовалъ не долго. Въ 1830 г. онъ прекратилъ свое существованіе. Онъ не выдержалъ трудной борьбы съ тѣми, противъ которыхъ сражался, и не достигнулъ цѣли, которую себѣ поставилъ, главнымъ образомъ образомъ благодаря равнодушную обществу. Авторъ письма къ редактору, которое было приведено выше, оказался правъ. Общество было еще очень мало подготовлено къ серьезному чтенію. Оно привыкло къ легкому чтенію, къ повѣстямъ и романамъ, которые, по мнѣнію Пушкина, должны быть непременно существенной частью журнала, какъ моды „Телеграфа“. „У насъ не то, что въ Европѣ, — говорилъ онъ, — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ“.

Съ такимъ мнѣніемъ соглашался и Бѣлинскій. Въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ онъ впоследствии говорилъ: „М. В. имѣлъ

большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало, смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины... Онъ былъ тощъ рецензіями и полемикою, кои составляютъ жизнь журнала, *былъ бѣдень повѣстями*, безъ коихъ нѣтъ успѣха русскому журналу, и, что всего ужаснѣе, не вель подробной отчетливой лѣтописи модъ и не прилагаль модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ русскому журналисту“.

Въ послѣднее время своего существованія „М. В.“ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по своей первоначальной программѣ. Погодинъ, полный хозяинъ журнала, былъ въ то время почти совершенно чуждъ философіи Шеллинга. Собственное философское образованіе его ограничилось, по словамъ Милюкова, книгой Галича, которую онъ съ трудомъ одолѣлъ при помощи своего талантливаго пріятеля Кубарева. Изученіе Шеллинга не пошло дальше переворачиванія книги Галича о Шеллинговой философіи. Еще въ 1825 г. Погодинъ сознавался, что „чувствуетъ систему Шеллинга, хотя и не понимаетъ ея“ („Гл. теч. р. истор. м.“, стр. 303).

Это способствовало тому, что даже и тѣ,

которые вначалѣ ждали, что „М. В.“ будетъ „проявленіемъ высшаго народнаго самопознанія, взглянетъ на всевозможныя явленія жизни, науки и искусства съ точки зрѣнія единой философской системы и вернетъ уваженіе къ правдѣ, религій и закону“, — отшатнулись отъ него, что тоже ускорило прекращеніе журнала.

Какъ бы ни было кратковременно существованіе „М. В.“, но его вліяніе было не безслѣдно. Это сознавали многіе. Намъ особенно интересно мнѣніе Пушкина, чтобы знать насколько ему было полезно участіе въ этомъ журналѣ. Когда онъ самъ издавалъ журналъ „Современникъ“, въ одной статьѣ онъ говорилъ слѣдующее: „Умствованія великихъ европейскихкихъ мыслителей *не были тщетны и для насъ*. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала свое стремленіе къ единству, германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе *ихъ вліяніе было благотворно* и часть отъ часу становится болѣе ощутительно“.

Участіе въ изданіи „М. В.“ для Пушкина было урокомъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ ближе присмотрѣлся къ журнальной ра-

ботѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ на яркомъ примѣрѣ, что русская публика еще очень и очень не подготовлена къ серіозному чтенію.

Что касается ближайшаго участія Пушкина въ „М. В.“, то оно выразилось только въ помѣщеніи здѣсь около 30 стихотвореній. Въ полемикѣ съ другими журналистами, противъ которых хотѣлъ бороться, онъ не участвовалъ, предоставивъ это дѣлать другимъ сотрудникамъ. Но Погодинъ уже съ 1828 г. сталъ вести себя по отношенію къ Булгарину очень двусмысленно, такъ что онъ сталъ выдѣлять Погодина отъ его единомышленниковъ. Единомышленники, конечно, были этимъ недовольны. Вотъ что о Погодинѣ однажды писалъ кн. Одоевскій Шевыреву: „Надо же когда-нибудь вывести молодца на свѣжую воду“. Видя дружественное отношеніе Погодина къ „врагамъ литературы“, одинъ изъ сотрудниковъ прямо заявилъ ему: „Бывшій „Вѣстникъ“ нашъ, а будущій — твой“.

Пушкинъ тоже не былъ доволенъ Погодинымъ и его дѣятельностью, что вскорѣ и заявилъ въ другомъ органѣ, гдѣ онъ принималъ уже самое дѣятельное участіе не только какъ поэтъ, но и какъ публицистъ и критикъ.

Подводя итоги дѣятельности „М. В.“, Пушкинъ, какъ мы видѣли, пришелъ къ заклю-

ченію, что „вліяніе его было благотворно“, какъ выразителя идей германской философіи. Но главное дѣло, которое, быть можетъ, еще больше интересовало Пушкина, не было сдѣлано. „М. В.“ почти совѣтъ не боролся съ врагами литературы, „сторонниками сватовства и кумовства“, и они продолжали свою предосудительную дѣятельность. Главной ареной для этой борьбы и явилась „Литературная Газета“.

XVI.

Исторія возникновенія „Литер. Газеты“, по словамъ Анненкова, слѣдующая. Весьма значительная группа литераторовъ, въ которой числились такія лица, какъ Жуковский, Баратынскій, кн. Вяземскій, Крыловъ, Катенинъ и, наконецъ, самъ Пушкинъ, не имѣла органа, гдѣ бы могла помѣщать свои произведенія. Группѣ этой и принадлежитъ какъ первая мысль объ основаніи газеты, такъ и выборъ редакторомъ ея Дельвига, безвыѣдно жившаго въ Петербургѣ. Душой газеты сдѣлался Пушкинъ, который взялъ на себя полемическую часть, и „повелъ ее съ такимъ пыломъ и въ такомъ рѣшительномъ, беспощадномъ тонѣ, какой до того не былъ знакомъ въ нашей литературѣ“.

Главная цѣль, которою руководились издатели „Лит. Газеты“, „заключалась, по словамъ Анненкова, въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями „Сѣв. Пчелы“ и „Сына Отечества“, благодаря жалкой безпомощности самихъ писателей и апатичному характеру всего литературнаго міра“. — Но не только эта задача преслѣдовалась издателями. Мы знаемъ, что Пушкинъ, самый дѣятельный изъ нихъ и самый близкій къ литературнымъ вопросамъ, кромѣ того „намѣревался поднять критику изъ ея прискорбнаго состоянія“. Къ осуществленію этой задачи онъ приступилъ немедленно. Уже въ третьемъ номерѣ встрѣчаемъ замѣтку: „О литературной критикѣ“, въ которой положеніе критики рисуется слѣдующимъ образомъ. „Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч.“ Далѣе Пушкинъ говоритъ, что, если литературы у насъ нѣтъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то критика все-таки необходима, потому что хотя „иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху

или вліянію, и въ семь отношеніи *нравственныя наблюденія важнѣе наблюдений литературныхъ*“ . (Послѣднія слова какъ бы служатъ отголоскомъ программы „Моск. Вѣстника“, который, между прочимъ хотѣлъ опредѣлить умственное и нравственное состояніе народа, насколько оно отразилось въ литературѣ.)

Литературная „монополія“ не осталась въ долгу предъ Пушкинымъ, и „нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ литературѣ“. Это заставило Пушкина защищать кн. Вяземскаго и разъяснить сущность приемовъ его критики. „Эпиграмматическіе разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту *литературныхъ преній*“.

Такой упрекъ со стороны Пушкина былъ вполне заслуженный. Булгаринъ и К^о, пользуясь своей близостью къ лицамъ, имѣющимъ полицейскую власть, старались негоднаго имъ писателя обвинить въ политической неблагонадежности и другихъ не менѣе тяжелыхъ преступленіяхъ.

Особенно раздражали Пушкина „выходки

противъ такъ называемой литературной аристократіи“. Онъ прекрасно зналъ, чего добивался Булгаринъ и К^о, употребляя выраженія, въ родѣ „аристократическая партія“ и т. д. У всѣхъ еще было въ памяти событіе 14-го декабря, связанное съ именами русскихъ дворянъ. Теперь „монополія“ хотѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и возбудить подозрѣніе противъ дворянъ-писателей.

Пушкинъ, для отраженія такихъ подозрѣній и чтобы отбить охоту на дальнѣйшее время, воспользовался ихъ же оружіемъ. „Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія, говорилъ онъ, (которыя, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно), приутожили крики: „аристократовъ къ фонарю“, и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ“. *Avis au lecteur*“.

Въ другой статьѣ: „О неблаговидности нападокъ на дворянство“, Пушкинъ, желая показать причину ненависти Булгарина и К^о къ писателямъ-дворянамъ, приводитъ слѣдующую эпиграмму Баратынскаго:

„Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?“
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.—
„Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!“

Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?“ — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права,
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ. — „Вотъ что!“

Изъ членовъ журнальной монополіи Пушкинъ особенно не долюбивалъ Булгарина. Извѣстно, что Пушкинъ по отношенію къ правительству былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе. Осыпанный царскими милостями, онъ все еще находился „подъ сильнымъ подозрѣніемъ“. Это давало возможность Булгарину, близко стоявшему къ гр. Бенкендорфу, при всякомъ удобномъ случаѣ мстить Пушкину. Булгарину очень не понравился разборъ его романа „Дмитрій Самозванецъ“, написанный Дельвигомъ въ ироническомъ тонѣ. Булгаринъ, полагая, что статья написана Пушкинымъ, хотѣлъ отомстить ему за то, что тотъ назвалъ его „польскимъ писателемъ“, и напечаталъ въ „Сѣв. Пч.“ анекдотъ, якобы заимствованный изъ англійскаго журнала. Въ этомъ анекдотѣ онъ изобразилъ себя подъ видомъ французскаго писателя Гофмана, а Пушкина подъ видомъ природнаго французскаго писателя, „который долго морочилъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера, наконецъ упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ сти-

ховъ хватился за критику и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ“. На эту критику Гофманъ будто бы отвѣтилъ одному литератору письмомъ, въ которомъ представлялъ на судъ — писателя, „природнаго француза“, пьяницу, „голова котораго набита рюемами, который бросаетъ ими на все священное, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, — и писателя-иноземца, который всегда былъ вѣренъ долгу и чести и любилъ свое отечество“.

Отвѣтомъ на этотъ „анекдотъ“ была статья Пушкина: „О запискахъ Видока“, помѣщенная въ 20 номеръ „Литературной Газеты“. Послѣ краткой характеристики французскаго сыщика, личности совершенно ничтожной, Пушкинъ говоритъ: „Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагоклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семь случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ“...

Въ Видокѣ, конечно, всѣ узнали Булгарина; цензура даже стала запрещать статьи о Видокѣ. Цѣль, такимъ образомъ, была достигнута, а Булгаринъ не могъ даже отвѣтить на эту статью, что еще болѣе увеличило злобу противъ Пушкина.

XVII.

Но не только борьба съ журнальными „монополистами“ была темой полемических статей Пушкина, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“. Въ это время вышла „Исторія русскаго народа“ Полевого. Многіе тогда полагали, что она была написана исключительно съ цѣлью развѣнчать автора „Исторіи государства російскаго“.

Въ настоящее время значеніе Исторіи Полевого оцѣнено по достоинству, но тогда всякое посягнуеніе на „безсмертный“ трудъ Карамзина считалось чуть не святотатствомъ. Было время, когда и Пушкинъ написалъ эпиграмму на Исторію Карамзина. Но со временемъ онъ признавался, что это была „не лучшая черта въ его жизни“. Онъ понялъ, что „Исторія государства російскаго“ имѣла огромное значеніе для самосознанія русскаго общества. До этой исторіи многіе русскіе, даже очень образованные, полагали, что древняя исторія Россіи совсѣмъ не интересна и не важна, что русская эра начинается только съ Петра Великаго. Теперь Карамзинъ „открылъ древнюю Россію“, какъ Колумбъ открылъ Америку. Исторія Карамзина произвела огром-

ное впечатлѣніе на русское общество, появленіе ея было „истинно народнымъ торжествомъ и семейнымъ праздникомъ для Россіи“. „Одна изъ большихъ услугъ труда Карамзина, говоритъ Стоюнинъ, заключается между прочимъ въ томъ, что благодаря ему всѣ мыслящіе русскіе люди стали задумываться надъ мыслью привести въ связь пастоящую жизнь русскаго народа съ его отдаленнымъ прошедшимъ, когда яспѣе и безъ всякой примѣси выказывались основныя черты *народнаго характера*; даже недовольные исторіей Карамзина стали по-своему, какъ имъ болѣе нравилось, объяснять историческое развитіе русскаго народа для того, чтобы въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ укрѣпиться на какомъ-нибудь историческомъ основаніи“.

Трудъ Карамзина особенно былъ необходимъ шеллингистамъ, которые особенно заботились объ опредѣленіи русскаго національнаго духа. Зато они и ихъ единомышленники относились къ Карамзину съ особенной признательностью и всячески защищали его отъ нападокъ.

Пушкинъ, который считалъ Исторію Карамзина „великимъ подвигомъ челоѣка“, не могъ не откликнуться на защиту ея отъ нападокъ челоѣка, котораго онъ всегда считалъ „не-

вѣждой“. Онъ полагалъ, что уже „заглавіе книги есть не что иное, какъ пустая породія заглавія „Исторіи государства російскаго“ и что „разсказъ г. Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ породія разсказа исторіографа“. „Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно увлекаетъ г. Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частью несправедливыя... Первый томъ „Исторіи русскаго народа“ писанъ съ удивительною опрометчивостью... Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно навредила г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали или вовсе уничтожили довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить... Несмотря на сіи недостатки „Исторіи русскаго народа“ заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ, по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недалкимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій“.

Мы видимъ, что какъ ни непріятно Пуш-

кину издѣвательство Полевого надъ Карамзинымъ, онъ всячески старается держаться тона безпристрастнаго, который такъ рѣдокъ былъ въ то время. Мало того, онъ сталъ еще защищать Полевого отъ нападокъ другихъ журналистовъ, которые „доводили брань до изступленія“, какъ, напримѣръ, „Московский Вѣстникъ“, въ которомъ находимъ такой отзывъ объ его трудѣ. „Самохвалство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и бессмысленныя фразы... — вотъ отличительный характеръ новаго сочиненія, если ужъ не грѣхъ называть сочиненіемъ всякую безобразную компиляцію“.

Но не только рѣзкія нападки на трудъ Карамзина заставили Пушкина обратиться къ критикѣ „Исторіи русскаго народа“. На это можно было отвѣтить краткой замѣткой, что и дѣлалъ онъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Но мы видимъ, что Пушкинъ особенно серьезно занялся разборомъ этой исторіи; къ ней онъ возвращался не разъ, составлялъ подробный планъ отвѣта и часто останавливался на самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Такое отношеніе Пушкина къ Исторіи Полевого станетъ яснымъ, если рассмотримъ, съ одной стороны, историческіе взгляды и убѣжденія того и дру-

гого и, съ другой стороны, укажемъ, что современникамъ Полевого особенно не нравилось.

Полевой въ первое время своей литературной дѣятельности стоялъ близко къ кружку Веневитинова и съ его одобренія въ 1825 г. сталъ издавать извѣстный журналъ „Московский Телеграфъ“, который пользовался паразитическимъ, по тогдашнимъ временамъ, успѣхомъ. „Главнымъ одушевителемъ“ журнала въ первое время былъ князь Вяземскій, благодаря которому здѣсь участвовали Пушкинъ и князь Одоевскій. Но вскорѣ рѣзкій и бранчивый тонъ полемики, практикуемой въ этомъ журналѣ, оттолкнулъ ихъ отъ Полевого, и они съ основаніемъ „Московского Вѣстника“ совершенно оставили „М. Т.“

Близость къ кружку шеллингистовъ оказала на Полевого извѣстное вліяніе. Его историческія возрѣнія сложились, до нѣкоторой степени, подъ ихъ вліяніемъ; однако нельзя сказать, что онъ въ своемъ историческомъ трудѣ придерживался извѣстнаго взгляда шеллингистовъ на исторію. На его трудъ отразилось и другое вліяніе, — вліяніе „скептической школы“, „которая была развитіемъ шлегеловскаго направленія подъ вліяніемъ свирѣпѣющей исторической науки“ (М. П. П.). Однако и это скептическое нап. ра-

вленіе, отрицавшее историческую традицію, не сказалося во всей своей чистотѣ: онъ часто допускаетъ въ своей исторіи то, что было отвергнуто еще Шлецеромъ. Словомъ, „Исторія русскаго народа“ не была полнымъ выраженіемъ ни скептическихъ ни западническихъ идей. Полевой пытался только приложить свой, выработанный подъ различными вліяніями, взглядъ къ *объясненію* явленій русской исторіи. Уже въ этомъ онъ совершенно расходился съ Карамзинымъ, который только излагалъ факты, освѣщая ихъ съ цѣлью національнаго самовозвеличенія.

Посмотримъ, удалось ли Полевому *объяснить* русскую исторію.

Нѣтъ необходимости въ данномъ случаѣ подробно излагать послѣдовательный ходъ его труда, — достаточно только коснуться того вопроса, который ставила новая теорія: — какова роль Россіи во всемірно-историческомъ процессѣ, — и посмотрѣть, разрѣшилъ ли его Полевой.

Прежде всего онъ доказываетъ, что благодаря различнымъ условіямъ, Россія въ началѣ своей исторіи поддалась культурному вліянію Греціи съ ея „единовластіемъ“ и православіемъ и что на русской культурѣ не осталось вліянія Запада, такъ какъ „народ-

ность славянъ преодолѣла пародность варяговъ, вслѣдствіе малочисленности послѣднихъ. Такой взглядъ заставляетъ Полевого увѣрять, что и „будущая судьба русской земли должна совершаться отдѣльно отъ жребія другихъ европейскихъ государствъ“. Такія увѣренія продолжаетъ онъ дѣлать до самаго конца своей исторіи, но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Поставивъ вопросъ: для чего сей исполнѣ воздвигнуть рукой Промысла въ ряду другихъ царствъ, и не будучи въ состояніи его разрѣшить, онъ вынужденъ былъ извернуться слѣдующей, никого не удовлетворившей фразой: „Мы, составляя собою, можетъ-быть, только *оведеніе въ исторію нашего народа*, не разрѣшимъ сихъ вопросовъ“.

Такое рѣшеніе вопроса, всѣхъ очень нитересовавшаго, вызвало всеобщее неудовольствіе; одинъ только Булгаринъ до нѣкоторой степени оцѣнилъ „правильные критическіе приемы“ Полевого; другіе же видѣли въ его трудѣ „народію“ на Исторію Карамзина, посягательство на славу исторіографа.

Но почему Пушкинъ былъ недоволенъ Исторіей Полевого?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ, до нѣкоторой степени, получить изъ письма Пушкина къ Гнѣдичу, въ которомъ онъ го-

ворить, что „исторія народа принадлежит поэту“. Такое мнѣніе не было субъективнымъ; оно совпадало съ тогдашними философскими воззрѣніями.

Раньше, дѣлая краткое изложеніе нѣкоторыхъ положеній Шеллинга, мы мало касались его историческихъ взглядовъ. По мнѣнію Шеллинга, исторія въ идеальномъ мірѣ выражаетъ то, что природа въ реальномъ, т.-е. слѣды прогрессивнаго проявленія абсолютнаго разума, который управляетъ всѣми мировыми явленіями. Но изслѣдованіе этого проявленія въ природѣ гораздо легче, чѣмъ въ исторіи; тамъ можно осмотрѣть всѣ пройденныя ступени съ послѣдней, на которой теперь стоитъ человѣчество; въ исторіи же этого сдѣлать нельзя, такъ какъ тамъ все находится въ движеніи, опредѣленнаго результата нѣтъ, а есть только постоянная смѣна факта фактами, иногда безслѣдно уничтожавшими другъ друга.

Казалось бы, что послѣ такого взгляда на историческій процессъ, исторія должна свестись къ простому перечисленію фактовъ безъ всякой философской подкладки. Но Шеллингъ не могъ примириться съ такимъ отрицательнымъ взглядомъ на философію исторіи. На помощь ему опять пришло искусство, этотъ божественный даръ, который дѣлаетъ человѣка непогрѣши-

мымъ въ изслѣдованіи самыхъ трудныхъ вопросовъ. „Исторія, наука дѣйствительности, должна перенестись съ помощью искусства въ высшую сферу идеальнаго, и абсолютная точка зрѣнія въ исторіи — это точка зрѣнія историческаго искусства“. (В. И. Герье, Очеркъ разв. истор. м.)

Шеллингъ также вооружался противъ ремесленниковъ въ исторіи, которыхъ въ его время было много. Теперь, говорилъ онъ, кому только вздумается, не трудно взяться за исторію.

Такимъ ремесленникомъ въ исторіи и былъ, по мнѣнію современниковъ, Полевой. „Исторія народа принадлежитъ поэту“, и вдругъ за нее берется человѣкъ, котораго Пушкинъ, какъ мы видѣли раньше, ставилъ очень низко, считалъ его полуграмотнымъ и во всякомъ случаѣ мало подготовленнымъ къ роли историка. Это, конечно, очень возмущало Пушкина, и если при появленіи въ свѣтъ „Исторіи русскаго народа“ онъ находилъ еще въ ней кое-какія достоинства, то въ послѣдствіи онъ называлъ ее „шарлатанской книгой, писанной безъ смысла“.

Неудачная попытка взглянуть на исторію Россіи съ всемірно-исторической точки зрѣнія, глумленіе надъ Карамзинымъ, который, по словамъ Пушкина, былъ „первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ“, и сама личность Полевого, мало подходящая къ созданному идеалу

историка — и послужили причиной крушенія „Исторіи русскаго народа“.

XVIII.

Не долго просуществовала и „Литературная Газета“. Но причины прекращенія ея были совсѣмъ не похожи на причины прекращенія „Московского Вѣстника“.

Мы видѣли, что Пушкинъ и другіе сотрудники очень рѣзко возражали Булгаринской компаніи на ихъ неблаговидныя выходки. Это, конечно, ее еще болѣе озлобило, и она употребила всевозможныя средства, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ бросить тѣнь подозрѣнія на неблагонамѣренность журнала. Это легко было сдѣлать, такъ какъ покровителемъ „Сѣверной Пчелы“ былъ гр. Бенкендорфъ. Онъ давно уже былъ недоволенъ „Литературной Газетой“ за то, что она однажды вскользь замѣтила, что сообщенія въ Булгаринской газетѣ ложны. Это возмутило шефа жандармовъ, и онъ просилъ главнаго начальника цензурнаго вѣдомства сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему замѣтку, что свѣдѣнія въ „Сѣверной Пчелѣ“ помѣщаются по его „приказанію“ и что „Литературная Газета“ своимъ обвиненіемъ подрываетъ правительственный престижъ и тѣмъ нарушаетъ общественное спокойствіе.

XVII.

Но не только борьба съ журнальными „монополистами“ была темой полемических статей Пушкина, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“. Въ это время вышла „Исторія русскаго народа“ Полевого. Многіе тогда полагали, что она была написана исключительно съ цѣлью развѣнчать автора „Исторіи государства російскаго“.

Въ настоящее время значеніе Исторіи Полевого оцѣнено по достоинству, но тогда всякое посягновеніе на „безсмертный“ трудъ Карамзина считалось чуть не святотатствомъ. Было время, когда и Пушкинъ написалъ эпиграмму на Исторію Карамзина. Но со временемъ онъ признавался, что это была „не лучшая черта въ его жизни“. Онъ понялъ, что „Исторія государства російскаго“ имѣла огромное значеніе для самосознанія русскаго общества. До этой исторіи многіе русскіе, даже очень образованные, полагали, что древняя исторія Россіи совсѣмъ не интересна и не важна, что русская эра начинается только съ Петра Великаго. Теперь Карамзинъ „открылъ древнюю Россію“, какъ Колумбъ открылъ Америку. Исторія Карамзина произвела огром-

ное впечатлѣніе на русское общество, появленіе ея было „истинно народнымъ торжествомъ и семейнымъ праздникомъ для Россіи“. „Одна изъ большихъ услугъ труда Карамзина, говоритъ Стоюнинъ, заключается между прочимъ въ томъ, что благодаря ему всѣ мыслящія русскіе люди стали задумываться надъ мыслью привести въ связь настоящую жизнь русскаго народа съ его отдаленнымъ прошедшимъ, когда яснѣе и безъ всякой примѣси выказывались основныя черты *народнаго характера*; даже недовольные исторіей Карамзина стали по-своему, какъ имъ болѣе нравилось, объяснять историческое развитіе русскаго народа для того, чтобы въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ укрѣпиться на какомъ-нибудь историческомъ основаніи“.

Трудъ Карамзина особенно былъ необходимъ шеллингистамъ, которые особенно заботились объ опредѣленіи русскаго національнаго духа. Зато они и ихъ единомышленники относились къ Карамзину съ особенной признательностью и всячески защищали его отъ нападокъ.

Пушкинъ, который считалъ Исторію Карамзина „великимъ подвигомъ челоѣка“, не могъ не откликнуться на защиту ея отъ нападокъ челоѣка, котораго онъ всегда считалъ „не-

вѣждой“. Онъ полагалъ, что уже „заглавіе книги есть не что иное, какъ пустая породія заглавія „Исторіи государства російскаго“ и что „разсказъ г. Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ породія разсказа исторіографа“. „Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ г. Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частью несправедливыя... Первый томъ „Исторіи русскаго народа“ писанъ съ удивительною опрометчивостью... Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно навредила г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали или вовсе уничтожили довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить... Несмотря на сіи недостатки „Исторіи русскаго народа“ заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ, по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недалкимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій“.

Мы видимъ, что какъ ни непріятно Пущ-

кнцу издѣвательство Полевого надъ Карамзинымъ, онъ всячески старается держаться тона безпристрастнаго, который такъ рѣдокъ былъ въ то время. Мало того, онъ сталъ еще защищать Полевого отъ нападокъ другихъ журналистовъ, которые „доводили брань до изступленія“, какъ, на примѣръ, „Московскій Вѣстникъ“, въ которомъ находимъ такой отзывъ объ его трудѣ. „Самохвалство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и бессмысленныя фразы... — вотъ отличительный характеръ цоваго сочиненія, если ужъ не грѣхъ называть сочиненіемъ всякую безобразную компиляцію“.

Но не только рѣзкія нападки на трудъ Карамзина заставили Пушкина обратиться къ критикѣ „Исторіи русскаго народа“. На это можно было отвѣтить краткой замѣткой, что и дѣлалъ онъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Но мы видимъ, что Пушкинъ особенно серьезно занялся разборомъ этой исторіи; къ ней онъ возвращался не разъ, составлялъ подробный планъ отвѣта и часто останавливался на самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Такое отношеніе Пушкина къ Исторіи Полевого станетъ яснымъ, если рассмотримъ, съ одной стороны, историческіе взгляды и убѣжденія того и дру-

гого и, съ другой стороны, укажемъ, что современникамъ Полевого особенно не нравилось.

Полевой въ первое время своей литературной дѣятельности стоялъ близко къ кружку Веневитинова и съ его одобренія въ 1825 г. сталъ издавать извѣстный журналъ „Московскій Телеграфъ“, который пользовался паразитическимъ, по тогдашнимъ временамъ, успѣхомъ. „Главнымъ одушевителемъ“ журнала въ первое время былъ князь Вяземскій, благодаря которому здѣсь участвовали Пушкинъ и князь Одоевскій. Но вскорѣ рѣзкій и бранчивый тонъ полемики, практикуемой въ этомъ журналѣ, оттолкнулъ ихъ отъ Полевого, и они съ основаніемъ „Московского Вѣстника“ совершенно оставили „М. Т.“

Близость къ кружку шеллингистовъ оказала на Полевого извѣстное вліяніе. Его историческія возрѣнія сложились, до нѣкоторой степени, подъ ихъ вліяніемъ; однако нельзя сказать, что онъ въ своемъ историческомъ трудѣ придерживался извѣстнаго взгляда шеллингистовъ на исторію. На его трудѣ отразилось и другое вліяніе, — вліяніе „скептической школы“, „которая была развитіемъ шлецероваго направленія подъ вліяніемъ идей европейской исторической науки“ (Миллюковъ). Однако и это скептическое напра-

вленіе, отрицавшее историческую традицію, не сказалося во всей своей чистотѣ: онъ часто допускаетъ въ своей исторіи то, что было отвергнуто еще Шлецеромъ. Словомъ, „Исторія русскаго народа“ не была полнымъ выраженіемъ ни скептическихъ ни западническихъ идей. Полевой пытался только приложить свой, выработанный подъ различными вліяніями, взглядъ къ *объясненію* явленій русской исторіи. Уже въ этомъ онъ совершенно расходился съ Карамзинымъ, который только излагалъ факты, освѣщая ихъ съ цѣлью національнаго самовозвеличенія.

Посмотримъ, удалось ли Полевому *объяснить* русскую исторію.

Нѣтъ необходимости въ данномъ случаѣ подробно излагать послѣдовательный ходъ его труда, — достаточно только коснуться того вопроса, который ставила новая теорія: — какова роль Россіи во всемірно-историческомъ процессѣ, — и посмотрѣть, разрѣшилъ ли его Полевой.

Прежде всего онъ доказываетъ, что благодаря различнымъ условіямъ, Россія въ началѣ своей исторіи поддалась культурному вліянію Греціи съ ея „единовластіемъ“ и православіемъ и что на русской культурѣ не осталось вліянія Запада, такъ какъ „народ-

ность славянъ преодолѣла народность варяговъ, вслѣдствіе малочисленности послѣднихъ. Такой взглядъ заставляетъ Полевого увѣрять, что и „будущая судьба русской земли должна совершаться отдѣльно отъ жребія другихъ европейскихъ государствъ“. Такія увѣренія продолжаетъ онъ дѣлать до самаго конца своей исторіи, но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Поставивъ вопросъ: для чего сей исполнѣ воздвигнуть рукой Промысла въ ряду другихъ царствъ, и не будучи въ состояніи его разрѣшить, онъ вынужденъ былъ извернуться слѣдующей, никого не удовлетворившей фразой: „Мы, составляя собою, можетъ-быть, только *введеніе въ исторію нашего народа*, не разрѣшимъ сихъ вопросовъ“.

Такое рѣшеніе вопроса, всѣхъ очень интересовавшаго, вызвало всеобщее неудовольствіе; одинъ только Булгаринъ до нѣкоторой степени оцѣнилъ „правильные критическіе приемы“ Полевого; другіе же видѣли въ его трудѣ „пародію“ на Исторію Карамзина, посягательство на славу исторіографа.

Но почему Пушкинъ былъ недоволенъ Исторіей Полевого?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ, до нѣкоторой степени, получить изъ письма Пушкина къ Гнѣдичу, въ которомъ онъ го-

ворить, что „исторія народа принадлежит поэту“. Такое мнѣніе не было субъективнымъ; оно совпадало съ тогдашними философскими воззрѣніями.

Раньше, дѣлая краткое изложеніе нѣкоторыхъ положеній Шеллинга, мы мало касались его историческихъ взглядовъ. По мнѣнію Шеллинга, исторія въ идеальномъ мірѣ выражаетъ то, что природа въ реальномъ, т.-е. слѣды прогрессивнаго проявленія абсолютнаго разума, который управляетъ всѣми мировыми явленіями. Но изслѣдованіе этого проявленія въ природѣ гораздо легче, чѣмъ въ исторіи; тамъ можно осмотрѣть всѣ пройденныя ступени съ послѣдней, на которой теперь стоитъ человѣчество; въ исторіи же этого сдѣлать нельзя, такъ какъ тамъ все находится въ движеніи, опредѣленнаго результата нѣтъ, а есть только постоянная смѣна факта фактами, иногда безслѣдно уничтожавшими другъ друга.

Казалось бы, что послѣ такого взгляда на историческій процессъ, исторія должна свестись къ простому перечисленію фактовъ безъ всякой философской подкладки. Но Шеллингъ не могъ примириться съ такимъ отрицательнымъ взглядомъ на философію исторіи. На помощь ему опять пришло искусство, этотъ божественный даръ, который дѣлаетъ человѣка непогрѣши-

мымъ въ изслѣдованіи самыхъ трудныхъ вопросовъ. „Исторія, наука дѣйствительности, должна перенестись съ помощью искусства въ высшую сферу идеальнаго, и абсолютная точка зрѣнія въ исторіи — это точка зрѣнія историческаго искусства“. (В. И. Герье, Очеркъ разв. истор. м.)

Шеллингъ также вооружался противъ ремесленниковъ въ исторіи, которыхъ въ его время было много. Теперь, говорилъ онъ, кому только вздумается, не трудно взяться за исторію.

Такимъ ремесленникомъ въ исторіи и былъ, по мнѣнію современниковъ, Полевой. „Исторія народа принадлежитъ поэту“, и вдругъ за нее берется человѣкъ, котораго Пушкинъ, какъ мы видѣли раньше, ставилъ очень низко, считалъ его полуграмотнымъ и во всякомъ случаѣ мало подготовленнымъ къ роли историка. Это, конечно, очень возмущало Пушкина, и если при появленіи въ свѣтъ „Исторіи русскаго народа“ онъ находилъ еще въ ней кое-какія достоинства, то въ послѣдствіи онъ называлъ ее „шарлатанской книгой, писанной безъ смысла“.

Неудачная попытка взглянуть на исторію Россіи съ всемірно-исторической точки зрѣнія, глумленіе надъ Карамзинымъ, который, по словамъ Пушкина, былъ „первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ“, и сама личность Полевого, мало подходящая къ созданному идеалу

историка — и послужили причиной крушенія „Исторіи русскаго народа“.

XVIII.

Не долго просуществовала и „Литературная Газета“. Но причины прекращенія ея были совсѣмъ не похожи на причины прекращенія „Московского Вѣстника“.

Мы видѣли, что Пушкинъ и другіе сотрудники очень рѣзко возражали Булгаринской компаніи на ихъ неблаговидныя выходки. Это, конечно, ее еще болѣе озлобило, и она употребила всевозможныя средства, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ бросить тѣнь подозрѣнія на неблагонамѣренность журнала. Это легко было сдѣлать, такъ какъ покровителемъ „Сѣверной Пчелы“ былъ гр. Бенкендорфъ. Онъ давно уже былъ недоволенъ „Литературной Газетой“ за то, что она однажды вскользь замѣтила, что сообщенія въ Булгаринской газетѣ ложны. Это возмутило шефа жандармовъ, и онъ просилъ главнаго начальника цензурнаго вѣдомства сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему замѣтку, что свѣдѣнія въ „Сѣверной Пчелѣ“ помѣщаются по его „приказанію“ и что „Литературная Газета“ своимъ обвиненіемъ подрываетъ правительственный престижъ и тѣмъ нарушаетъ общественное спокойствіе.

Скоро представился удобный случай къ закрытію „Литературной Газеты“. Случайновъ ней былъ помѣщенъ переводъ стиховъ Казимира Делавиня, представляющихъ собою воззваніе къ бойцамъ іюльскаго переворота. Стихи, а также и газета, въ которой они были помѣщены, признаны были чрезвычайно вредными. Газета была немедленно приостановлена, а главный редакторъ ея, баронъ Дельвицъ, послѣ выговора, сдѣланнаго Бенкендорфомъ, былъ оставленъ въ „сильномъ подозрѣніи“. Это такъ сильно повліяло на здоровье чуждаго политикѣ барона, что онъ скоро умеръ.

Пушкинъ опять остался безъ органа, въ которомъ онъ могъ бы работать въ средѣ лицъ, ему близкихъ и безкорыстно посвятившихъ себя литературѣ. Впослѣдствіи, когда „Литературная Газета“ опять стала выходить подъ редакціей Сомова, онъ въ ней не участвовалъ, такъ какъ она потеряла всякое значеніе газеты, поставившей своей цѣлью проводить трезвые взгляды на литературу. Закрытіе газеты, очевидно, застало Пушкина врасплохъ, такъ какъ въ черновыхъ его тетрадяхъ найдено много проектовъ полемическихъ статей, критическихъ опытовъ и пр. Видно, Пушкинъ серьезно готовился къ роли публициста и журнальнаго дѣятеля...

Еще при жизни барона Дельвига, Пушкинъ дѣлалъ попытку получить разрѣшеніе издавать политическую газету и съ этой цѣлью обращался въ просьбой къ Бенкендорфу, въ которой сдѣлалъ краткую характеристику „торговыхъ оборотовъ въ литературѣ“. Онъ приводилъ доказательство необходимости имѣть журналъ „для возстановленія равновѣсія въ литературѣ“, притомъ такой журналъ, „коего средства могли бы равняться средствамъ „Сѣверной Пчелы“, которая, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю. Такая монополія вредна, такъ какъ осужденная по какимъ-либо причинамъ книга не будетъ распродана. Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы литературные, вмѣсто трехъ тысячъ, имѣютъ едва ли и пятьсотъ, — слѣдственно ихъ голосъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ“.

Такимъ образомъ, и критика, и политика, и книжная торговля находятся въ рукахъ „Сѣверной Пчелы“ и „отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями „Сѣверной Пчелы“, ибо ни одно

изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается“.

Все это, по словамъ Пушкина, заставляетъ его просить разрѣшенія издавать газету подъ его или Дельвига редакціей. Онъ соглашается, что направленіе политическихъ статей должно зависѣть отъ правительства, и обѣщаетъ „строга соображаться съ рѣшеніями цензора“.

Замѣчательно въ этомъ прошеніи заключеніе. „Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиды, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою“. Тутъ прямо видно желаніе, возможно осторожнѣе ссылаясь на вещи, совершенно постороннія политикѣ, получить разрѣшеніе издавать политическую газету. Чтобы отвратить всякія подозрѣнія, Пушкинъ прибавляетъ: „такимъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по сорокъ тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство были бы съ ихъ стороны столь же безразсудны, какъ неблагодарны“.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился набросокъ программы предполагаемой имъ газеты и замѣтки объ ея изданіи:

„Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

„Часть политическая. Виѣшняя политика. Происшествія. Политическая полемика. Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы для правительства. Корреспонденція.

„Литература. Виѣшняя литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Историческіе матеріалы. Текущая литература. Feuilletou. Théâtre. Библиографія. Объявленія.

„Пособія: повелѣнія министровъ.

„Журналъ мой предлагаю правительству — какъ орудіе его дѣйствій на общее мнѣніе.

„Официальность“ (Соч. Пушк. изд. Лит. Фонда, VII т.).

XIX.

Однако, какъ ни умѣренна была программа газеты, Пушкинъ не получилъ разрѣшенія на ея изданіе.

А Булгаринъ и Гречъ не переставали тероризировать русскую литературу и своими придирчивыми отзывами о новыхъ книгахъ, особенно выходившихъ въ Москвѣ, дѣйствительно „мѣшали торговымъ оборотамъ въ литературѣ“. Это заставило Пушкина опять взяться за перо журналиста. Теперь онъ сталъ помѣщать свои статьи въ „Телескопъ“, но не подъ своимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ — Теофилактъ Косичкинъ.

Первая статья — „Торжество дружбы или оправданнй А. А. Орловъ“, вызвана была нападками Н. И. Греча „на двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ“.

Гречъ въ своей статьѣ, по обыкновенію съ пѣной у рта и съ площадными ругательствами, старался увѣрить читателей, что книги Орлова наполнены „отвратительными картинами“, написаны сквернымъ языкомъ, что знаменитое лубочное произведение: „Мыши ката хоронять, или небылицы въ лицахъ“, есть Иліада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова... „Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся бы ихъ продавать... Никогда такія омерзѣ-

тельные картины не появлялись на русскомъ языкѣ“.

Такъ отозвался Гречъ о книгахъ Орлова. Пушкина возмутила такая критика сочиненій человѣка, совсѣмъ не заслужившаго такихъ порицаній. Книги вовсе не были такъ плохи, какъ говорилъ Гречъ. Чѣмъ же объяснить такое отношеніе къ нимъ Греча?

Пушкинъ, со всѣмъ жаромъ журналиста, котораго возмущаютъ всякія несправедливыя нападки на литературныя произведенія, безпощадно разоблачаетъ причину такого отношенія Греча къ книгамъ, выпущеннымъ въ Москвѣ. „Не въ первый разъ, говоритъ онъ, замѣтили мы странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ „Сына Отечества“ и „Сѣверной Пчелы“. Дѣло въ томъ, что петербургскія книги издавались, такъ сказать, подъ покровительствомъ этихъ газетъ. Большой частью отъ нихъ зависѣла судьба той или другой книги, такъ какъ отзывы о нихъ давались тотчасъ по ихъ выходѣ въ свѣтъ. На это, какъ мы видѣли, и Пушкинъ указывалъ въ своемъ прошеніи.

Не то было съ московскими изданіями. Москва была счастливѣе Петербурга въ томъ отношеніи, что тамъ журналистика стояла гораздо выше. „Московскій Телеграфъ“, „Московскій Вѣстникъ“, „Телескопъ“, „Наблюдатель“ какъ

по своему направленію, такъ и по составу со-трудниковъ рѣзко отличались отъ петербургскихъ журналовъ, газетъ. Всѣ явленія жизни здѣсь оцѣнивались безпристрастно. Во всякомъ случаѣ въ рецензіяхъ не видно было никакой цѣли, во что бы ни стало, уронить въ глаза публики то или иное произведеніе. Вотъ это и было особенно непріятно петербургской „монополиі“. Книга, получившая лестный отзывъ въ московскихъ журналахъ, была для нихъ особенно опасна, такъ какъ она конкурировала съ произведеніями Булгарина, Греча и ихъ союзниковъ. Особенно круто они поступали съ такими книгами, которыя хоть сколько-нибудь по содержанію подходили къ ихъ произведеніямъ. Какъ извѣстно, Булгаринъ обвинялъ даже чуть не въ плагиатѣ самого Пушкина, который будто бы заимствовалъ сюжетъ для „Бориса Годунова“ изъ его „Дмитрія Самозванца“.

То же было и съ книгами Орлова. „По какому праву г. Орловъ, восклицаетъ Гречъ, вздумалъ наречь своихъ холопей, хлыновскихъ степняковъ, Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ.— Да здравствуетъ московское книгопечатаніе!“

Въ той же статьѣ Пушкинъ пользуется удобнымъ случаемъ и дѣлаетъ сравнительную характеристику Ѳаддея Венедиктовича Булгарина съ его соперникомъ Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ. Сравненіе получилось, конечно, не въ пользу Булгарина. Но, несмотря на это, „Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ. Что же причиною сему видимому неравенству?“

Отвѣтъ очень простой. „Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича“. И тутъ Пушкинъ рассказываетъ, какія „вспомогательныя средства“ для распространенія своихъ произведеній употреблялъ Булгаринъ. „Ловкій товарищ“ его Гречъ всячески рекламировалъ своего друга, а журналы „Сѣверный Архивъ“, „Сынъ Отечества“ и „Сѣверная Пчела“ послѣ выхода его произведеній расхваливали его въ каждомъ номерѣ. „Сии усердные журналы, говоритъ Пушкинъ, ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнливыхъ читателей; угрожали мести недоброжелателямъ“...

Но Пушкинъ не ограничился этой статьёй и въ № 16 „Телескопа“ помѣстилъ другую подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“. Причиной появле-

нія статьи была слѣдующая фраза въ антикритикѣ Греча: „Я рѣшился на сіе (на оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣеть надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ“. Перебирая фамиліи различныхъ рецензентовъ, Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что эти слова относятся не къ кому иному, какъ къ Теофилакту Косичкину, т.-е. къ нему самому.

По тону и содержанію статья представляетъ пародію критическихъ статей Булгарина. Пушкинъ очень остроумно пользуется словами и выраженіями Булгарина, который въ своихъ статьяхъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, кому грозилъ, кого ругалъ чуть не площадными словами, конечно, изъ лицъ противной партіи; своихъ же компаніоновъ и самого себя всѣчески расхваливалъ. Гречъ же, который увѣрялъ, что его журналъ „съ жадностью читается во всей просвѣщенной Европѣ“, не отставалъ отъ своего собрата.

Какъ удачно пародируетъ Пушкинъ Греча въ слѣдующей фразѣ: „г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностью читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта,

чѣмъ въ головѣ моей! Отзвѣтъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить *во услышаніе всей Европы*, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было. Dixi“.

Такія пародіи достигали скорѣе цѣли, чѣмъ сухія педантическія статьи, такъ какъ онѣ удерживали болгаринскую компанію отъ слишкомъ рѣзкихъ и совѣмъ не подходящихъ „критикъ“; Пушкинъ побивалъ враговъ ихъ же орудіемъ, показывая въ то же время приемы истинной критики.

XX.

1831-й годъ былъ замѣчательнъ въ жизни Пушкина. Въ этомъ году онъ женился, что во многомъ измѣнило образъ его жизни. Въ этомъ же году онъ поселился въ Царскомъ Селѣ, гдѣ проводила лѣто царская семья. Тутъ, благодаря Жуковскому, произошло сближеніе Пушкина съ Дворомъ. Это очень повліяло на его политическіе взгляды. Въ то время Россія вела войну съ поляками, которые были возбуждены противъ нея другими народами. Положеніе было

очень тревожно. За междоусобной войной, говорить Анненковъ, проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ. Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ въ ней-то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества негодовало просто на медленность вооруженной расправы съ непріятелемъ, Жуковскій и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало... Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала во Франціи въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства, бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихъ въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ, передѣлки европейской исторіи и трактатовъ во всемъ, что они сказали въ пользу и въ интересъ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были успѣхи нашей се-

кретной дипломатической борьбы съ направлениемъ, одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ ними голосъ самого общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому, для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ „бунтъ“, „мятежъ“ достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской пубрики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употребить силу оружія противъ идеи о политической независимости у народа, котораго много лѣтъ приучали къ ней официально — этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи.

Всѣ эти обстоятельства способствовали тому, что лица, близко стоявшія къ Пушкину, поощряли его мысль основать такой органъ, въ которомъ можно было бы отражать невѣжественныя нападки иностранной прессы. Пушкинъ серіозно принялся да дѣло и подалъ

прошеніе, въ которомъ просилъ разрѣшенія на такого рода дѣятельность.

Остался черновикъ прошенія, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее: „въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ) и правительству нѣтъ надобности имѣть свой officialный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общее мнѣніе имѣеть нужду быть управляемымъ; нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединили всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покаместъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотять мира, а молодыя поколѣнія, волнуемая журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ“.

Не дождавшись разрѣшенія издавать газету, Пушкинъ не въ силахъ былъ удержаться отъ выраженія своего взгляда на отношенія русскихъ къ полякамъ и 5 августа 1831 г. не задолго до паденія Варшавы написалъ стихотвореніе: „Клеветникамъ Россіи“.

По увѣренію нѣкоторыхъ біографовъ, на-

писанію этого стихотворенія способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Членъ временнаго правительства въ Варшавѣ, Іоакимъ Лелевель, произнесъ горячую рѣчь въ національномъ собраніи и въ рѣчи этой высказалъ сочувствіе Пушкину, какъ поэту, стихи котораго дышать любовью къ свободѣ и къ полякамъ. Объ этомъ узнало русское правительство, что не замедлило дойти до слуха Пушкина. Возмущенный, вотъ что онъ пишетъ: „объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь“. Какъ бы въ отвѣтъ на эти объятія были имъ написаны въ 1831 г. пьесы: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. („Русскій Курьеръ“ 1880 г., № 157).

Врядъ ли можно предположить, что „объятія“ Лелевеля вызвали эти стихотворенія. Цитованное здѣсь письмо было написано въ апрѣлѣ 1834 года, т.-е. три года спустя послѣ выхода въ свѣтъ означенныхъ стихотвореній, да и другое упоминаніе о Лелевелѣ тоже относится къ 1834 году. Нѣтъ сомнѣнія, что только желаніе объяснить русско-польскія отношенія руководило въ данномъ случаѣ поэтомъ. Его точку зрѣнія въ то время раздѣляли многіе, да и впослѣдствіи часто ссылались „на мысль Пушкина, что польскій вопросъ представляетъ, по преимуществу, до-

машнее дѣло славянскаго міра, отъ поворота котораго зависитъ направленіе и будущность славянства вообще“.

Когда Пушкинъ подавалъ прошеніе о разрѣшеніи издавать газету, онъ имѣлъ въ виду не только одну внѣшнюю политику. Его больше волновало то, что тогдашнее русское общество бродило какъ бы впотьмахъ, совершенно не зная къ чему клонятся извѣстныя правительственныя распоряженія. Теперь у Пушкина явилось желаніе стать посредникомъ между правительствомъ и обществомъ. Въ вышеприведенномъ прошеніи мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся бы я за редакцію „политическаго и литературнаго журнала“, т.-е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“.

Такова была программа предполагаемаго журнала или газеты.

Сверхъ всякаго ожиданія Пушкину было разрѣшено издавать просимый органъ; была удовлетворена также и другая его просьба — посѣщать архивы съ цѣлью составленія исторіи Петра Великаго.

Но не такое было тогда время, чтобы можно было выполнить хоть часть означенной программы. Уже въ слѣдующемъ году за стихотвореніе „Анчаръ“, помѣщенное въ альманахѣ „Сѣверные цвѣты“, онъ получилъ строгій выговоръ и упрекъ въ нарушеніи честнаго слова не печатать безъ разрѣшенія государя.

Пушкинъ понялъ, что послѣ такого обращенія съ нимъ властей, ему не будетъ никакой свободы въ обсужденіи тѣхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ, которыхъ онъ хотѣлъ коснуться. Кромѣ того, Пушкинъ видѣлъ, какъ обращался всемогущій Бенкендорфъ съ другими журналистами, которые гораздо сдержаннѣе выражали свои мнѣнія, и онъ совершенно охладѣлъ къ мысли издавать газету.

По словамъ Анненкова, Пушкинъ въ это время писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующее: „Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St. Pétersbourg,

безъ правительственныхъ примѣчаній и размышлений, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли, внутреннія извѣстія о дождяхъ и урожаяхъ etc. Разныя извѣстія о курсѣ, о прїѣзжихъ, о уѣзжихъ, о спектаклѣ и проч. — Литературная часть: критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобо-помѣщаемыя на двухъ столбцахъ, — выйдетъ газета немного хуже „Сѣв. Пчелы“. Шутки въ сторону; отъ моей газеты я много не ожидаю: часть политическая будетъ официально ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещи, которая никого не интересуетъ, начиная съ литератора? Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ: угождать публикѣ восхищеніями, пошлымъ балагурствомъ Булгарина и бессмыслицей Полевого — было бы слишкомъ низко. Стиховъ печатать въ ней не буду: „Богъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой, — на то прозамякина“.

Какъ бы то ни было, но Пушкинъ оставилъ мысль объ изданіи газеты до лучшихъ дней и далъ довѣренность Н. И. Отрѣшкову на принятіе званія редактора предлагаемой газеты, изданіе которой все-таки не состоялось.

Любопытны воспоминанія того самаго Отрѣшкова, при участіи котораго Пушкинъ думалъ

издавать газету. Въ статьѣ Ѳ. А. Бычкова („Ист. Вѣстн.“ 1886 г., 2 кн.) приведенъ разговоръ поэта съ Отрѣшковымъ.

„Опытъ предшествовавшихъ занятій Пушкина по изданію „Московского Вѣстника“ и „Литературной Газеты“, говоритъ Отрѣшковъ, заставилъ друзей убѣдиться въ несвойственности природы Пушкина къ трудамъ постояннымъ и къ занятіямъ неизбѣжнымъ при изданіи журнала или газеты“. Вслѣдствіе этого Пушкинъ, по совѣту друзей, рѣшилъ передать завѣдываніе газетою П. А. Отрѣшкову. При свиданіи, по словамъ Отрѣшкова, произошелъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

Пушкинъ: „Вы признаете, что теперь становится у насъ потребностью и публикѣ и словесности изданіе газеты, въ которой бы всѣ благонамѣренные отзывы находили мѣсто, въ которой бы безпристрастно оцѣнивались бы и свои и иностранныя произведенія, — ну, словомъ, газеты, которая бы уважала свое достоинство. Такая газета будетъ имѣть огромное вліяніе на установленіе правильныхъ понятій въ словесности. Конечно, для разнообразія и удовлетворенія пылкихъ требованій читателей нужно, чтобы и политическій отдѣлъ нашей газеты былъ довольно полонъ“.

Отрѣшковъ согласился, предложилъ даже

денегъ на типографію, но заявилъ, что боится „бесконечныхъ распрей пушкинскихъ друзей, которыя они заведутъ съ своими недругами“, и что „все это несовмѣстимо съ назначеніемъ столь положительной газеты и ни къ чему доброму не доведетъ“.

Пушкинъ на это отвѣтилъ: „Они для меня угомонятся. Мы будемъ ихъ унимать; а когда не уймутся, то скажу, что по уговору съ вами отъ меня вовсе не зависитъ помѣщеніе статей въ газетѣ... Я полагаю, мы раздѣлимъ такъ наши занятія: я *возьму на себя все, что относится до словесности*, а вы отдѣлъ политики и главное по всему завѣдыванію... Развѣ вы на это не согласны?“

Отрѣшковъ и на это согласился, такъ какъ „для того, чтобы отдѣлъ словесности шель безостановочно, необходимы срочныя, постоянныя ежедневныя занятія. А это для Пушкина будетъ обременительно, затруднить ходъ газеты, возьметъ все его время, и русская словесность потеряетъ отъ этого“.

Въ концѣ концовъ рѣшено было, что газета будетъ принадлежать Отрѣшкову. Пушкинъ „не будетъ имѣть по газетѣ постоянныхъ изданій, а все, что онъ ни пришлетъ въ газету, будетъ и отъ газеты и отъ русской словесности большое спасибо“.

Какъ мы знаемъ и при такихъ условіяхъ газета не состоялась. Въ бумагахъ Пушкина остался только схематическій видъ газеты. „Вотъ все, что осталось на свѣтъ отъ газеты и отъ политической идеи Пушкина“, говоритъ Анненковъ. Дѣйствительно, Пушкинъ навсегда отказался отъ изданія политической газеты. Онъ видѣлъ, что въ Россіи того времени для него это было совершенно невозможно. Ограничиться ролью журналиста, подобнаго Булгарину, онъ не могъ, такъ какъ имъ руководили интересы гражданина, любящаго свое отечество и сознававшаго необходимость ввести русское общество въ кругъ правильныхъ политическихъ понятій.

Впрочемъ, жажда политической дѣятельности была вызвана потребностями минуты. Мы видѣли, что главнымъ образомъ столкновение съ Польшею и связанная съ нимъ неблагоприятные толки въ западной Европѣ, возбудили желаніе „отражать безстыдныя и невѣжественныя нападки иностранныхъ газетъ“. Благополучный исходъ войны съ Польшею, вѣроятно, много способствовалъ охлажденію пыла, съ которымъ Пушкинъ принялся за хлопоты по изданію. Какъ мы видѣли, въ разговорѣ съ Отрѣшковымъ онъ предложилъ ему вести политическую часть, а на себя хотѣлъ взять только литературную.

XXI.

Послѣдніе четыре года своей жизни Пушкинъ посвятилъ почти исключительно исторической беллетристикѣ. Такое увлеченіе исторіей не представляетъ ничего новаго въ жизни Пушкина. Еще въ Михайловскомъ онъ занимался исторіей, какъ русской, такъ и всеобщей, и результатомъ этихъ занятій явился „Борисъ Годуновъ“.

Получивъ возможность жить въ столицахъ, а впоследствии получивъ доступъ въ архивы, онъ посвящалъ много времени изученію исторіи Петра Великаго; бунтъ Пугачева направилъ его вниманіе на царствованіе Екатерины; занимался онъ также изученіемъ эпохи Алексѣя Михайловича.

Но онъ не только былъ занятъ русской исторіей, — его интересовала также и исторія Запада и родственныхъ намъ славянъ. Чтеніе Гизо, Баранта, Тьери, изученіе славянскихъ преданій отмѣчаютъ эту эпоху. Исторія его настолько сильно стала интересовать, что онъ бросаетъ Петербургъ и отправляется разбирать Оренбургскій архивъ и посѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда былъ Пугачевъ. Онъ бросаетъ свои прежнія занятія и посвящаетъ себя, почти исключительно, исторіи. Въ 1833 году

онъ пишетъ Бенкендорфу: „Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ я занимаюсь только историческими разысканіями и не написалъ ни одной строчки чисто литературной“.

Достаточно перечислить такія его произведенія, какъ „Борисъ Годуновъ“, „Капитанская дочка“, „Мѣдный всадникъ“, „Полтава“, „Исторія Пугачевского бунта“, „Исторія села Горохина“, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ его дѣятельности.

Духъ времени, духъ историческаго XIX вѣка, когда увлеченіе исторіей охватило всю Европу, не прошелъ безслѣдно и для Пушкина. Чуткій, поэтъ почувствовалъ, что въ исторіи все развивается, подчиняясь извѣстному закону, что „прочныя измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ потрясеній политическихъ“; онъ понялъ, подобно Бѣлинскому, что „крѣпостное право будетъ уничтожено и безъ революціи, что вся надежда въ Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, революціи и конституціи“.

Въ своемъ взглядѣ на исключительную важность просвѣщенія, которое даетъ человѣку свободу духа, дѣлаетъ его вездѣ свободнымъ, Пушкинъ доходитъ до мысли: „зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа — не все ли намъ равно?“

... Дивясь божественной природы красотахъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье, вотъ права!

Итакъ, Пушкинъ въ данномъ случаѣ поддается вліянію духа времени. Онъ соглашается съ распространеннымъ тогда мнѣніемъ, что „удовлетвореніе чловѣкъ получаетъ не отъ сознанія внѣшняго благосостоянія, а отъ сознанія, что онъ разумно стремится къ нему. Исполненіе долга даетъ ему нравственное удовлетвореніе, которое не можетъ быть замѣнено никакими внѣшними приобрѣтеніями и успѣхами“. (П. Виноградовъ, О прогрессѣ).

Въ одномъ изъ писемъ Пушкинъ заявляетъ, что „безъ политической свободы очень даже можно жить“. Такой индифферентизмъ можно объяснить тѣмъ пониманіемъ „политической“ свободы, которое доступно только людямъ съ высшей духовной организаціей, которой, безъ сомнѣнія, обладалъ Пушкинъ.

Свободу духа — Пушкинъ ставилъ выше всего...

Если мы обратимся къ его историческимъ занятіямъ, мы легко можемъ замѣтить, что онъ преимущественно интересуется бытовой стороной исторіи. Онъ старается постигнуть духъ народной массы, въ понятіяхъ которой

все личное, все придуманное претворяется, получая новую окраску, или безслѣдно исчезаетъ. Особенно интереснымъ въ русской исторіи для Пушкина является изученіе личности Петра Великаго и его эпохи. Онъ хочетъ узнать насколько личный элементъ, субъективные взгляды Петра Великаго отразились на общемъ ходѣ русской исторіи. Если въ первую эпоху своего творчества онъ относился съ безусловнымъ сочувствіемъ къ петровскимъ реформамъ, то этого нельзя сказать про послѣдніе годы его жизни, когда ближайшее знакомство съ исторіей раскрыло предъ нимъ тѣ средства, при помощи которыхъ онъ проводились. Такая раздвоенность въ пониманіи великаго реформатора мѣшала добросовѣстному изслѣдователю, какимъ былъ Пушкинъ, выразить ясно и опредѣленно свои взгляды; какъ историкъ, онъ объ этой эпохѣ умалчиваетъ; въ этомъ вопросѣ художникъ беретъ верхъ надъ историкомъ. Впрочемъ это легко объяснить. Тогда историческая наука не стояла еще на высотѣ теперешняго положенія; тогда была въ модѣ художественная исторія.

Пушкинъ былъ того мнѣнія, что „исторія народа принадлежитъ поэту“. Такой взглядъ отразился на его единственномъ чисто историческомъ трудѣ, на „Исторіи Пугачевского

бунта“, гдѣ сказывается вліяніе историковъ-художниковъ: Тъери и Баранта; въ другихъ случаяхъ изображенія историческаго момента онъ сочеталъ науку съ поэзіей; всѣ бытовыя подробности, вся живость изображенія выпала на долю этихъ произведеній; здѣсь сухой критическій умъ историческаго изслѣдователя отступаетъ на задній планъ; воображеніе художника, чувствующаго истину, благодаря своему таланту, рисуетъ картину, вѣрно изображающую изслѣдуемую эпоху.

Но вліяніе духа времени особенно сказалось въ увлеченіи народностью. Онъ старается попятъ, въ чемъ заключается „народность русская“. Съ этой цѣлью онъ изучаетъ не только исторію документальную, но и собираетъ пѣсни, сказки, пословицы. Велико было желаніе Пушкина проникнуть въ народъ и узнать такія подробности, которыя обыкновенно скрываются отъ „барина“; съ этой цѣлью онъ, переодѣтый, отправляется въ Святогорскій монастырь, чтобы въ толпѣ присмотрѣться и прислушаться къ народнымъ особенностямъ.

Еще въ Михайловскомъ его занимаетъ вопросъ о народности въ литературѣ. Въ его бумагахъ осталась неоконченная замѣтка на эту тему. Въ ней онъ приводитъ мнѣнія критиковъ о сущности народности, съ которыми

онъ не согласенъ, и пытается самъ опредѣлить, что составляетъ „народность“. „Есть образъ мыслей и чувствованій, говоритъ онъ, есть тѣмъ обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣтра даютъ каждому народу особенную физиономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи“.

Если раньше, въ „Цыганахъ“, „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и пр. его герои совсѣмъ не обладаютъ національными чертами, то въ эту эпоху Пушкинъ обладаетъ, по словамъ Достоевскаго, чрезвычайною способностью „револющенія своего духа въ духъ чужихъ народовъ“. Онъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность“. Но, при всей врожденности такого таланта, необходимо всестороннее изученіе быта чужихъ народовъ, знаніе ихъ исторіи, чтобы воображеніе могло отправляться отъ чего-нибудь точнаго, фактическаго. И этому, какъ мы видѣли, способствовало усидчивое и упорное занятіе исторіей.

XXII.

Чѣмъ больше Пушкинъ занимался русской исторіей и чѣмъ ближе сталкивался съ обществомъ и народомъ, тѣмъ больше ему были

замѣтны всѣ тѣ русскіе недуги, которые нуждались въ лѣченіи; съ другой стороны, чѣмъ больше понималъ и зналъ онъ западную Европу, тѣмъ сильнѣе у него являлось желаніе, пользуясь историческими уроками другихъ народовъ, поднять умственное и нравственное состояніе народа. Пушкинъ — поэтъ русской дѣйствительности по преимуществу, его поэзія дышитъ жизнью и „на всякій звукъ родитъ свой откликъ“. Пушкинъ, который сравнивалъ пророка и поэта и находилъ много общаго въ ихъ дѣятельности, не могъ успокоиться и перестать „глаголомъ жечь сердца людей“.

Но тогда для какой бы то ни было общественной дѣятельности время было трудное. Потеривъ неудачу въ изданіи политической газеты, Пушкинъ долженъ былъ отказаться отъ мысли заняться „политической прозой“, такъ какъ боязнь и подозрительность цензуры дошла до крайнихъ предѣловъ. Въ 1834 г. былъ запрещенъ „Моск. Телеграфъ“, другіе болѣе или менѣе честные журналы еле владели свое жалкое существованіе; одна „монополія“, получивъ подкрѣпленіе въ лицѣ Сенковского, процвѣтала попрежнему. Цензура съ нею могла дѣлать, что хотѣла. Да и почтенные редакторы „Сѣв. Пчелы“, „Сына Отеч.“ и „Библіотеки для чтенія“ держались направленія, вполнѣ желательнаго Бенкендорфу.

Для характеристики направленія „монополья“ очень интересенъ списокъ писателей, которые „разруганы“ (выраженіе „Библ. для чтенія“) и расхвалены въ „Библіотекѣ для чтенія“. Списокъ взять изъ „Моск. Наблюдателя“ за 1836 г., іюнь, 2-я книга. Приводимъ его дословно:

Расхвалены:

Разруганы:

Иностранные:

Коцебу.

Бальзакъ.

В. Скоттъ.

В. Гюго.

Гегель.

Гизо.

Сильвіо Пелико.

Шеллингъ.

Отечественные:

Брамбеусъ.

Веневитиновъ.

Булгаринъ.

Гоголь.

Гречъ.

Кукольникъ.

Загоскинъ.

Надеждинъ.

Кукольникъ.

Погодинъ.

Полевой, Кс.

Пушкинъ.

Тимоѣевъ.

Розенъ, баронъ.

Хомяковъ.

Вообще хвалили и „разругивали“ въ этихъ журналахъ кого хотѣли. Всякій, кто не былъ съ ними, тотъ, по ихъ мнѣнію, былъ противъ нихъ и считался врагомъ, для уничтоженія котораго въ средствахъ не разбирали.

„Диктаторство въ литературѣ и журналистикѣ“ не могло не возмущать всѣхъ истинныхъ литераторовъ. Особенно негодовали кн. Одоевскій, кн. Вяземскій, Пушкинъ и Гоголь, въ лицѣ котораго „монополія“ встрѣтила опаснаго врага. У нихъ опять возникаетъ мысль противодействовать зловредному направленію въ литературѣ. Видя, что нѣтъ никакой возможности создать органъ, который вполне соответствовалъ бы нуждамъ общества, они рѣшили на первыхъ порахъ обратить вниманіе на критику. Мы видѣли, что эта мысль постоянно преслѣдовала Пушкина; онъ ею руководился, когда участвовалъ въ другихъ журналахъ. Къ этому присоединились еще и другія обстоятельства. Женитьба повлекла за собою новые расходы, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивались.

Пушкинъ видѣлъ, что изданіе журнала было дѣло доходное, особенно при его участіи. Это еще болѣе побудило его приняться за журнальное дѣло, о которомъ онъ такъ давно мечталъ.

Благодаря энергичнымъ и настойчивымъ

просьбамъ, Пушкинъ, наконецъ, получилъ разрѣшеніе издавать *литературный* журналъ „Современникъ“*).

Нельзя назвать Пушкина инициаторомъ изданія „Современника“. Объ этомъ очень усердно хлопотали и мечтали и его близкіе друзья, уже раньше сотрудничавшіе въ „Лит. Газетѣ“. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма кн. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу, который былъ въ то время въ Парижѣ. „Я читалъ твое письмо въ субботу у Жуковскаго, который сзываетъ по субботамъ литературскую братію на свой олимпическій чердакъ. Тутъ Крыловъ, Пушкинъ, Одоевскій, Плетневъ, бар. Розенъ etc. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: „жаль, что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ, сочный бульонъ изъ животрепещущей утробы настоящаго“ (Ост. арх. III, 750). Всѣ поименованныя здѣсь лица, и были особенно дѣятельными сотрудниками журнала.

Названіе журнала тоже придумано было не Пушкинымъ, и не теперь, а гораздо раньше. Еще 12 ноября 1827 г. кн. Вяземскій писалъ Тургеневу: „Я хотѣлъ бы, кромѣ журнала („Моск. Телегр.“), издавать „Современникъ“ по

*) Авторъ подробнѣе останавливается на „Современникѣ“ въ виду малой разработанности вопроса.

третьемъ года, соединяющій качества „Quarterly Review“ и „Annales historiques“. Я пустилъ это предложеніе въ Петербургъ къ Жуковскому, Пушкину, Дашкову. Не знаю, что будетъ; дальнѣйшіе толки объ этомъ отложены до пріѣзда моего въ Петербургъ въ январѣ. Но врядь ли пойдетъ дѣло на ладъ: у насъ, въ цехѣ авторскомъ, или дѣятельные дураки или бездѣятельные умники“ (Ост. арх. III, 711).

Такой же программы думалъ придерживаться Пушкинъ, когда подавалъ прошеніе Бенкендорфу о разрѣшеніи журнала.

Изъ числа новыхъ сотрудниковъ особенно выдавался П. В. Гоголь, который въ журналѣ принималъ самое дѣятельное участіе. Впослѣдствіи, въ 1846 г., въ письмѣ къ П. А. Плетневу (Соч. Гоголя, изд. Кулшша, т. VI стр. 297), рассказывая о судьбѣ „Современника“, онъ считалъ себя, кажется неосновательно, виновникомъ выхода въ свѣтъ этого журнала. „...Сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ (Пушкинѣ) не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно

въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ, для того чтобы заключить въ себѣ это юношеское чувство... Моя настойчивая рѣчь и общаніе дѣйствовать его убѣдили“.

Какъ бы то ни было, Гоголь былъ дѣйствительно энергичнымъ сотрудникомъ. Его замѣчательная статья: „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“, помѣщенная въ первомъ номерѣ „Современника“, была, по мнѣнію современниковъ, программой журнала.

Печатаемая объявленіе объ изданіи новаго журнала, Пушкинъ не сообщалъ подробно его программы. Въ тогдашнихъ журналахъ, напр. въ „С. Пч.“ отъ 3 февраля 1835 г. мы находимъ только такое „извѣстіе“: „А. С. Пушкинъ въ нынѣшнемъ 1836 г. будетъ издавать *литературный* журналъ подъ заглавіемъ „Современникъ“. Каждый три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составитъ четыре тома. Цѣна годовому изданію 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. асс.“

Такая неопредѣленная программа дала возможность другимъ журналамъ приписывать „Современнику“ направленіе, какое кому вздумалось. Особенно интересна замѣтка Булгарина въ „С. Пч.“ Названіе „литературный журналъ“ дало ему возможность объявить, что „Современникъ“ по своему направленію будетъ про-

долженіемъ „Литературной Газеты“, которая, какъ извѣстно, была прекращена за нежелательное направленіе. Такая выходка Булгарина могла быть очень вредна „Современнику“, особенно если принять во вниманіе еще и другую клевету, что „Современникъ“ издается съ цѣлью уронить журналъ, задуманный Смирдинымъ.

Такая выходка возмутила Пушкина, и онъ рѣшился отвѣтить на нее слѣдующимъ образомъ: „Издатель „Современника“ не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литературный журналъ*, уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе. Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что „Современникъ“ будетъ имѣть цѣлью — уронить „Библ. для Чтенія“, издаваемую г. Смирдинымъ; въ „Сѣв. Пч.“ сказано, что „Современникъ“ будетъ продолженіемъ „Лит. Газ.“, издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ. Издатель „Современника“ принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожъ отъ себя цѣль, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ „Б. для Чт.“, онъ воплиѣ

признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣв. Пч.“: „Современникъ“ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты“.

Несмотря на свидѣтельство Гоголя, что въ Пушкинѣ не было большого желанія издать журналъ, сохранилось много писемъ и замѣтокъ, которые свидѣтельствуютъ, что онъ, наоборотъ, очень заботился о немъ. Мысль привлечь возможно лучшихъ сотрудниковъ его постоянно преслѣдуетъ. Почти въ каждомъ письмѣ онъ обращается къ тому или иному лицу съ просьбой участвовать въ его журналѣ. Мы позволимъ себѣ привести одно изъ писемъ, къ В. Д. Сухорукову, самое характерное въ этомъ отношеніи и притомъ еще не помѣщенное ни въ одномъ изъ полныхъ собраній Пушкинскихъ сочиненій. „Вы знаете, писалъ онъ, что я сдѣлался журналистомъ (это напоминаетъ мнѣ, что я не послалъ вамъ „Современника“ — извините, постараюсь загладить мою вину). Итакъ, сдѣлавшись собратомъ Булгарину и Полевому, обращаюсь къ вамъ съ удивительнымъ бестыдствомъ и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите мнѣ что-нибудь

изъ вашихъ дѣльныхъ и любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бештау и Эльбруса живутъ досугъ и вдохновенье. Между тѣмъ и о цѣнѣ (денежной) не худо поговорить. За листъ печати я плачу по 200 руб. Не войдемъ ли мы въ торговья сношенія?“ („Р.Ст.“ 1899 г. ноябрь).

XXIII.

Но, несмотря на то, что „Современникъ“ издавался Пушкинымъ, онъ не былъ точнымъ выраженіемъ его взгляда на журнальное дѣло. Много самыхъ разнообразныхъ причинъ препятствовало этому; о нихъ будетъ сказано впоследствии. Собственно говоря, тонъ журнала задавали статьи Гоголя и Вяземскаго, а отчасти и А. И. Тургенева, какъ корреспонденціи изъ-за границы.

Особенно замѣчательна статья Гоголя, помѣщенная въ первомъ номерѣ журнала. Въ ней обнаружился взглядъ сотрудниковъ на журнальную литературу. Необходимо тутъ же оговориться, что Пушкинъ съ нимъ не совсѣмъ согласенъ, и это было имъ заявлено въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ „Современника“.

„Журнальная литература, говорилъ Гоголь въ этой статьѣ, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима

въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы въ обоихъ смыслахъ мертвымъ капиталомъ. Она быстрый своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимага типографскими станками, ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область $\frac{9}{10}$ всего, что дѣлается принадлежностью литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовые, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итакъ, журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія“.

Такой взглядъ на журнальную литературу, что она должна быть вѣрнымъ представителемъ мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, съ одной стороны, и заставить общество „толковать, судить и говорить — съ другой, — давалъ журнальному обозрѣвателю возможность высказать сужденіе, какъ о современной литературѣ, такъ

и о томъ обществѣ, интересамъ котораго она служить.

По мнѣнію Гоголя, „безцвѣтность была выраженіемъ большей части повременныхъ изданій“, особенно въ послѣдніе два года, и именно тогда, когда особенно „была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи и значительно выросло число читающихъ“. Дѣлая сначала краткій обзоръ современныхъ журналовъ, онъ особенно не доволенъ тѣмъ, что даже лучший изъ новыхъ журналовъ, „Библ. для Чтенія“, не имѣетъ опредѣленнаго направленія. Смирдинъ, „успѣвши соединить для своего изданія множество литераторовъ, долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе редактора. Никто не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ“. Несмотря на то, что „блестящая шеренга именъ писателей наполнила полстраницы заглавнаго листка“, не видно ихъ участія; ихъ мнѣнія отсутствуютъ,— по той простой причинѣ, что „ихъ имена взяты напрокатъ для привлеченія большаго числа подписчиковъ“.

Журналомъ завладѣлъ Сенковскій, который былъ его главнымъ дѣятелемъ и движущей пружиной. Онъ являлся въ журналъ какъ кри-

тикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, сатирикъ, глашатай новостей и проч. и проч. Онъ являлся въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу-Оглы, А. Бѣлкина и, наконецъ, подъ собственной фамиліей.

Оцѣнивая по достоинству его разнообразную дѣятельность, Гоголь особенно долго останавливается на его „миѣніяхъ, относящихся къ текущей изящной литературѣ. Въ его рецензіяхъ, говоритъ Гоголь, цѣтъ ни положительнаго ни отрицательнаго вкуса, *вообще никакого*. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ... У него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ“.

Такой же произволь редактора видѣтъ и во всемъ другомъ. Онъ исправляетъ и передѣлываетъ почти всѣ статьи, о чемъ откровенно заявляетъ въ своемъ журналѣ, утверждая, что статьи часто состоятъ изъ двухъ или трехъ, отъ чего они „значительно улучшаются“.

Такой образъ дѣйствій Сенковскаго привелъ къ тому, что многіе писатели, боясь, что статьи безъ подписи или подъ вымышленными именами будутъ приписаны имъ, стали отказываться отъ участія въ этомъ журналѣ, и вслѣдствіе этого число подписчиковъ уменьшилось.

Мы потому такъ долго останавливались на разборѣ „Библ. для Чтенія“, что въ немъ собраны самыя типичныя черты тогдашнихъ журналовъ, которые дальше разсматриваетъ Гоголь. Безцеремонность редактора, произволь въ сужденіяхъ, злоупотребленіе именами писателей и, главное, субъективность въ направленіи — это все характерныя черты тогдашней журналистики. Каждый органъ былъ личнымъ орудіемъ — Сенковского, Булгарина, Греча или кого-нибудь другого. Казалось, что журналъ только и существовалъ для того, чтобы редакторъ имѣлъ возможность хвалить друзей и бранить тѣхъ, кто не удостоился этой чести. Интересы публики мало принимались во вниманіе, эксплуатировались только самыя низменные вкусы толпы. При такихъ обстоятельствахъ журналъ не могъ быть ни выразителемъ общественнаго мнѣнія, ни тѣмъ менѣе давать обществу правильное понятіе о современномъ ходѣ событій, литературѣ, политикѣ и о немъ самомъ.

Такое положеніе журнальнаго дѣла способствовало тому, что и въ Москвѣ возникъ раньше „Современника“ журналъ „Московскій Наблюдатель“, такъ какъ и тамъ было много писателей, которые „рѣшительно не имѣли мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ“.

Конечно, въ такомъ случаѣ „монополія“ не осталась бездѣятельной. Она и теперь прибѣгла къ своимъ обычнымъ приемамъ. „Библ. для Чтенія“ увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный“. „Сѣв. Пч.“ заявила, что новый журналъ издается съ цѣлью уронить „Библ. для Чтенія“ и т. д.

Въ своей статьѣ Гоголь привѣтствуетъ появленіе „Моск. Наблюдателя“. Онъ имъ очень интересуется, какъ журналомъ, который по направленію противоположенъ журналамъ монополіи и который вмѣстѣ съ „Современникомъ“ будетъ дѣйствовать противъ нихъ.

Въ интересахъ характеристики современной журналистики, Гоголь предлагаетъ читателямъ рассмотреть вмѣстѣ съ нимъ, въ какой степени „Моск. Наблюд.“ выполнилъ ожиданія публики и литераторовъ, съ одной стороны, и опасенія Булгарина съ К⁰—съ другой. „Новый журналъ, говоритъ онъ, несмотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники, „Сѣв. Пч.“ и „Б. для Чт.“, которые, конечно, не помѣстили благоприятныхъ о немъ объявленій“.

Другой причиной неудач „Моск. Набл.“, по словамъ Гоголя, было то, что редакторомъ его было лицо почти совсѣмъ не извѣстное въ литературѣ, а „редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ“.

Съ „Моск. Набл.“ повторяется та же исторія, что и съ другими журналами, которые раньше предпринимались для борьбы съ монополіей: сотрудники почти ничего не дѣлали, все предоставляли редактору. „Моск. Набл.“ сталъ, по словамъ Гоголя, похожъ на тѣ ученые общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бывають въ присутствіи; между тѣмъ какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія“.

Гоголь былъ правъ въ данномъ случаѣ. Въ „Моск. Вѣстникѣ“ за 1830 г., въ 3 т., мы находимъ такую характеристику „Лит. Газеты“, которая была предпринята для этой борьбы: „войскъ регулярныхъ, терпѣливыхъ, закаленныхъ у нея почти нѣтъ, а только партизаны, корсары, впрочемъ отважные, ловкіе, храбрые, готовые и черезъ Дарданеллы и на Гибралтаръ, и днемъ и ночью, и весной и въ осень... У „Лит. Газ.“ больше полководцевъ, чѣмъ войска, солдаты хуже генераловъ, планы лучше исполненія, больше блеску, чѣмъ прочности, больше

способности творческой, чѣмъ практической, больше силы въ гостинныхъ, чѣмъ ученыхъ кабинетахъ“. Эта характеристика хорошо подходит и къ „Моск. Набл.“, да и не къ нему одному... Журналы этого направленія не могли сплотиться, не умѣли дружно дѣйствовать противъ общаго врага. Теперь Гоголь, разбирая чужія ошибки, хочетъ предостеречь „Современникъ“ отъ нихъ. Ему не нравится и образъ дѣйствія „Моск. Наблюд.“ Первая оппозиціонная статья Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ, была настолько неудачна, что только „скользнула по „Б. для Чтенія“, какъ пули по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши это пулю, „М. Набл.“ замолчалъ. Доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствія и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего пачать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать“.

Подводя итогъ всему сказанному о движеніи журнальной литературы, Гоголь пришелъ къ слѣдующему заключенію: раньше издававшіеся журналы имѣли хоть какую-нибудь опредѣленную цѣль, — „Моск. Тел.“ издавался съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли то-

гдашнихъ нашихъ старожиловъ, классиковъ; „Моск. Вѣстн.“, одинъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ, несмотря на то, что въ немъ немного было современнаго движенія, издавался съ цѣлью познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, *раздвинутъ кругъ нашей литературы*, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ“; теперь же, если внимательно разсмотримъ издававшіеся въ послѣдніе два года журналы, то совершенно невозможно уловить руководящую нить каждаго изъ нихъ. „Развернувши ихъ, говоритъ онъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ“. Ничего не было сказано о самыхъ выдающихся событіяхъ, какъ-то: отчего поэзія постепенно стала уступать мѣсто прозѣ; на какой степени образованія стоитъ русская публика и т. д. Журналы были заняты только собою, „великое и замѣчательное было какъ будто невидимо“. Главный характеръ критики заключался, во-первыхъ, въ пренебреженіи къ собственному мнѣнію; во-вторыхъ, въ литературномъ безвѣріи и литературномъ невѣжествѣ; въ-третьихъ, въ отсутствіи чистаго эстетическаго наслажденія

и вкуса, и, въ-четвертыхъ, въ мелочныхъ мысляхъ и мелочномъ щегольствѣ. Истинные же писатели молчали. „Ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни кн. Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, никто не сказалъ своихъ мнѣній“. Объ истинной причинѣ Гоголь умалчиваетъ... Если „писатели считали для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой“, то отъ нихъ же зависитъ поднять критику, потому что „критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта, имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ“, тѣмъ болѣе что еще очень много нерѣшенныхъ вопросовъ въ русской литературѣ.

Закончилъ Гоголь статью свою пожеланіемъ, чтобы въ текущемъ году было болѣе дѣятельности и при большемъ количествѣ журналовъ *явилось бы болѣе независимости отъ мополіи.*

XXIV.

Статья Гоголя вызвала въ журнальной литературѣ самые оживленные толки; она казалась знаменемъ, которое подняла извѣстная часть литераторовъ, боровшихся и раньше

съ Булгаринымъ и его компаніей. Въ статьѣ довольно ярко были изображены всѣ ненормальности тогдашней журналистики, были представлены тѣ средства, при помощи которыхъ нужно бороться съ ними, а заключительныя слова открыто объявляли борьбу съ монополіей.

Если статья вызвала нападки со стороны Булгарина и К^о, то, конечно, она была встрѣчена съ восторгомъ единомышленниками Гоголя. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи статья Бѣлинскаго, помѣщенная въ „Молвъ“. Бѣлинскій съ нетерпѣніемъ ждалъ полученія въ Москвѣ „Современника“, который здѣсь долго не получался. „Странное дѣло! говоритъ онъ: съ нѣкотораго времени это почти все-гдашняя исторія со всѣми петербургскими книгами, не издаваемыми, хотя и продаваемыми, г. Смирдинымъ, и не сочиняемыми или не покровительствуемыми гг. Гречемъ и Булгаринымъ“.

Наконецъ „Современникъ“ былъ полученъ, и Бѣлинскій поспѣшилъ отдать отчетъ объ этой истинно животрепещущей новости. Но восторгъ не ослѣпляетъ Бѣлинскаго; онъ хвалитъ журналъ за оригинальность статей, нѣкоторыя изъ нихъ ставитъ очень высоко, но все-таки сомнѣвается, чтобы „Современникъ“ имѣлъ большое нравственное вліяніе на пу-

блику. „По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, да и по мнѣнію самого „Современника“, журналъ долженъ быть чѣмъ-то живымъ и дѣятельнымъ, а можетъ ли быть особенная живость въ журналѣ, состоящемъ изъ четырехъ книжекъ, а не книжищъ, и появляющемся черезъ три мѣсяца? Такой журналъ, при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ, будетъ походить на альманахъ, въ которомъ, между прочимъ, есть и критика“.

Взглядъ, конечно, совершенно правильный. Но Пушкина нельзя винить за то, что онъ сталъ издавать журналъ въ такомъ видѣ. Мы знаемъ, что еще въ 1826 году Пушкинъ высказывался противъ альманаховъ. Если его журналъ сталъ теперь походить на альманахъ, то это не его вина.

Разрѣшеніе издавать журналъ было получено съ огромными затрудненіями, такъ какъ къ Пушкину все еще относились подозрительно, — онъ всю жизнь свою былъ подъ надзоромъ полиціи. Пушкинъ въ первое время и не настаивалъ особенно на разрѣшеніи ему издавать журналъ, какой необходимъ былъ, по его мнѣнію, для Россіи. По свидѣтельству Гоголя, вначалѣ „Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обо-

зрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами“ (Соч., изд. Кулиша, т. VI, стр. 297). Кромѣ того, разрѣшенъ былъ только *журналъ литературный*, о чемъ не разъ предупреждалъ кн. Вяземскій А. И. Тургенева, который присылалъ изъ-за границы свои корреспонденціи. Есть много доказательствъ, свидѣтельствующихъ, что Пушкинъ думалъ впоследствии расширить программу.

Обратимся, однако, къ отзыву Бѣлинскаго о „Современникѣ“. Сдѣлавъ краткую характеристику журнала, Бѣлинскій обращается къ детальному разбору вышеизложенной статьи Гоголя. Онъ усматриваетъ въ ней выраженіе духа и направленія новаго журнала, который имѣетъ правильный взглядъ на свою роль и обязанности. „Журналъ есть не наука и ученость, но, такъ сказать, факторъ науки и учености, посредникъ между науками и учеными. Какъ бы ни велика была журнальная статья, но она никогда не изложитъ полной системы какого-нибудь знанія: она можетъ представить только результаты этой системы,

чтобы обратить на нее вниманіе ученыхъ, какъ скорое извѣстіе, и публики, какъ рапортъ о случившемся. Вотъ почему такое важное мѣсто, такое необходимое условіе достоинства и существованія журнала составляетъ критика и библиографія, ученая и литературная“.

Вообще взгляды на журналистику Бѣлинскаго и Гололя въ эту эпоху совпадаютъ. Бѣлинскій только какъ будто ставитъ въ укоръ Гоголю его особенную симпатію къ „Моск. Наблюдателю“. Въ оцѣнкѣ другихъ журналовъ они опять сходятся въ главномъ, расходятся однако въ мнѣніяхъ относительно частныхъ. Въ концѣ концовъ Бѣлинскій приходитъ къ заключенію, что статья Гоголя содержитъ въ себѣ „много справедливыхъ замѣчаній, высказанныхъ умно, остро, благородно и прямо и потому подающихъ надежду, что „Современникъ“ будетъ журналомъ съ мнѣніемъ, съ характеромъ и дѣятельностью“.

Насколько оправдались предположенія Бѣлинскаго, будетъ сказано впоследствии. Теперь же намъ нужно еще, для полноты картины, рассмотреть отзывы людей противоположнаго лагеря. Они еще нагляднѣе, чѣмъ статья Гоголя, знакомятъ насъ съ ихъ литературными приемами, съ ихъ точкой зрѣнія и съ той эпохой, въ которую возникъ „Современникъ“.

Еще до выхода въ свѣтъ перваго номера, Сенковскій, редакторъ „Библ. для Чтенія“ выразилъ желаніе „отдать все на свѣтъ, лишь бы только Пушкинъ не сдержалъ своей программы“. Статья, посвященная издательской дѣятельности Пушкина, настолько замѣчательна, что ее нельзя пройти молчаніемъ. Начинается она съ фактовъ, какъ будто совсѣмъ не имѣющихъ никакого отношенія къ Пушкину, — съ политики. „Вообще, нѣтъ ничего новаго въ политическомъ свѣтѣ, говоритъ Сенковскій. Всѣ народы живутъ въ мирѣ и согласіи. Прочія извѣстія — самыя пустыя. Африканскій король ашантиевъ, говорятъ, объявилъ войну Англій и уже открылъ кампанію. А. С. Пушкинъ въ исходѣ весны тоже выступаетъ на поле брани. Мы забыли(?) сообщить нашимъ читателямъ объ одномъ событіи: А. С. Пушкинъ хочетъ умножить средства къ наслаженію читающей публики родомъ бранно-періодическаго альманаха, подъ заглавіемъ „Современникъ“, котораго будетъ выходить по 4 книжки въ годъ, или родомъ журнала, котораго каждые три мѣсяца будетъ являться по одной книжкѣ“.

Далѣе Сенковскій заявляетъ, что „Современникъ“ издается нарочно противъ „Библ. для Чтенія“, чтобы ее „при помощи Божьей

уничтожить“. Но это его не пугаетъ; онъ знаетъ, что это не первый „журналъ возникаетъ съ этимъ благимъ намѣреніемъ“. А ихъ теперь нѣтъ. „Скажите, что съ ними дѣлается? спрашиваетъ онъ. Каковы они? Живы ли, здоровы ли?“ и т. д.

Словомъ, глумленіе надъ закрытыми журналами, иногда даже не по своей винѣ, доходить до издѣвательства. Сенковскій не могъ выдержать первоначальнаго тона статьи, такъ какъ „Соврем.“ казался слишкомъ опаснымъ соперникомъ. Особенно ему не нравился полемическій отдѣлъ этого журнала, который, по его мнѣнію, очень унижаетъ всякій журналъ. „Современникъ“ по своему содержанію и характеру самъ назначилъ себѣ самое низкое мѣсто въ журнальной литературѣ, такъ какъ онъ допускаетъ у себя журнальную полемику, т.-е. нападки на своихъ соперниковъ. Полемика и брань должны быть предоставлены газетамъ. Все это истины очень извѣстныя, о которыхъ и говорить неловко. „Но что прикажете дѣлать, заявляетъ Сенковскій, когда эти понятія еще не проникли въ нашу сырую атмосферу литературную“.

Но самое печальное — это то, что съ изданіемъ „Современника“ Россія лишается великаго поэта, который „добровольно отрекается

отъ своего произведенія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, *Musaquam choris impliciti manus*, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и бесплодной“. Онъ старается уговорить поэта отказаться отъ журнальной полемики, этого „самаго низкаго и отвратительнаго рода прозы, послѣ риемованныхъ пасквилей“. Онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы его слова удержали Пушкина отъ этой постыдной дѣятельности.

Однако никто не повѣрилъ доброжелательству журналиста, который и не считалъ Пушкина великимъ поэтомъ. Всѣмъ ясна была цѣль этихъ добрыхъ совѣтовъ...

Даже такой собратъ по оружію, какъ издатель „Сѣв. Пч.“ рѣшился выступить на защиту поэта. Впрочемъ, тутъ были и особья причины. Сенковскій въ своей статьѣ поступилъ неосторожно, предоставивъ брань и полемику газетамъ, — этой „журнальной черни“. А извѣстно, что „Сѣв. Пчела.“ была газета, да еще и любившая всякую брань. Вотъ она, въ отместку Сенковскому, и выступила съ защитой „Современника“. — Прежде всего она задастъ вопросъ: „Что можно сказать о журналѣ, котораго еще нѣтъ? Можно ли судить

о журналѣ по его программѣ? Еще болѣе: можно ли судить о немъ и о журнальной программѣ, когда *программы нѣтъ*“. Отвѣтъ ясенъ. Что же заставило Сенковского такъ встревожиться и выдумать программу, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ и которая существуетъ только въ его воображеніи.

„Сѣв. Пч.“ старается успокоить Сенковского, но довольно ядовито. Ему нечего бояться конкуренціи „Современника“, говоритъ издатель „Сѣв. Пч.“, такъ какъ тотъ, кто подписывается на „Библ. для Чт.“ изъ-за того именно, что въ ней преимущественно печатаются статьи Брамбеуса, тотъ не подпишется на „Современникъ“ изъ-за того именно, что въ немъ будутъ преимущественно Пушкинъ. Два вкуса столь разнообразныя, двѣ умственныя потребности столь противоположныя не могутъ вмѣститься въ одномъ читателѣ“.

Защитивъ Пушкина, „Сѣв. Пч.“ не оставляетъ безъ защиты и своихъ интересовъ. Редакторъ ея долго объясняетъ, что такое журнальная полемика, и находитъ, что мнѣнія о ней „Библ. для Чт.“ по меньшей мѣрѣ „односторонни и индивидуальны“.

Мы видѣли, чѣмъ была вызвана такая защита „Современника“. Но раздраженіе противъ Сенковского скоро прошло, и литературная

модернолія сына дружно принялась за труды „Современника“ и особенно редактора. Та же „Съв. Пч.“ ровно через три мѣсяца (№ 162) помѣстила статью, которая и по тону и по стѣлямъ совершенно похожа на статью, помѣщенную раньше въ „Библ. для Чтенія“.

Она тоже написана въ *образожелательномъ* для Пушкина тонѣ. По поводу перевода „Полтавы“ на малорусскій языкъ, которая, какъ извѣстно, было жестоко раскритикована болгаринскою партией, какой-то П. М—скій помѣстил въ „Съв. Пч.“ статью, въ которой сначала расточаетъ восторги преть талантомъ „любимаго поэта, волшебнаго художника“. „Да! прекрасно было то незабвенное время нашей литературы, восклицаетъ онъ, когда играла лира Пушкина, когда имя его вмѣстѣ съ его сладкими пѣснями носилось по Россіи, изъ конца въ конецъ, и было у всякаго на языкъ! Но отчего же муза поэта умолкла? Ужели поэтическія дарованія старѣютъ такъ рано, отживаютъ свой вѣкъ такъ преждевременно? Ужели все прекрасное такъ непрочно на землѣ?... Видно, что такъ, потому что поэтъ умолкъ и сдѣлался журналистомъ... Печальная перемена!... Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, немолкающее труженническое перо журналиста; онъ отдалъ даромъ свою сво-

боду, которая прежде была ему такъ дорога, и, взамятъ ея, взялъ тяжкую неволю; мечты и вдохновенія свои онъ погасилъ срочными статьями и журнальною полезною; князь мысли сталъ работъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы! Печальная перемяна, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту“.

Поводы, которые заставили Пушкина такимъ кореннымъ образомъ перемянуть свою дѣятельность, автору статьи тоже кажутся ничтожными. Все дѣло заключается въ томъ, что Пушкинъ „хочетъ высказать нѣсколько горькихъ упрековъ своимъ врагамъ, которые и повинны только въ томъ, что требовали „отъ его дремлющаго таланта новыхъ совершеннѣйшихъ созданий“. Но поэтъ вмѣсто того, чтобы удовлетворять такому справедливому требованію и отвѣчать новыми поэтическими произведеніями, „выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухого и скучнаго журнала, наполненнаго чужими статьями“.

Итакъ, выходитъ, что статья написана съ самыми доброжелательными цѣлями. Авторъ хочетъ только, чтобы великій поэтъ вернулся къ своей великой дѣятельности, которая была такъ плодотворна и важна для всѣхъ. Однако

истинныя причины, которыя вызвали появленіе статьи, будутъ ясны, если вспомнимъ, какъ „Сѣв. Пч.“ относилась къ Пушкину раньше.

Въ 1830 г. въ №№ 35 и 39 той же „Сѣв. Пч.“ мы находимъ статью, авторъ которой соглашается съ критикомъ „Вѣстника Европы“, совершенно отрицающимъ поэтическое достоинство „Полтавы“ и слѣдующимъ образомъ опредѣляющимъ поэзію Пушкина: „это есть, по моему мнѣнію, рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копейку; ея стихия пересмѣхаютъ все худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это-то сообщаетъ новую фizioномію поэтическому направленію Пушкина, отличающему оное рѣшительно отъ байроновской мизантропіи и отъ Жашъ-Полева юморизма. Поэзія Пушкина есть просто пародія“ („Вѣстн. Европы“ 1829 г., №№ 8 и 9).

Критикъ „Сѣв. Пчелы“ не довольствовался однако и этимъ опредѣленіемъ и прибавилъ кое-что и отъ себя. Онъ находилъ что VII глава „Евгенія Онѣгина“ можетъ служить лучшимъ образцомъ „пустословія“ и подражательности Пушкина; предметы описаній у него — низкія, а стихи — „непопятно-модные“.

И это были не единственные отзывы, отрицающіе всякое значеніе Пушкина для рус-

ской поэзіи. Такъ, Булгаринъ въ 1833 году писалъ въ „Сынъ Отеч.“ (№ 6): „Есть и будетъ много подражателей Пушкина (несносное племя), но не будетъ слѣдствія Пушкина, такъ какъ онъ самъ слѣдствіе Байрона. Пушкинъ плѣнилъ, восхитилъ своихъ современниковъ, научилъ ихъ писать гладкіе, чистые стихи, далъ имъ почувствовать сладость нашего языка, но не увлекъ за собой своего вѣка, не установилъ законовъ вкуса, не образовалъ своей школы, какъ Байронъ и Гёте“.

Мы представили достаточно образцовъ, чтобы понять двуличіе такихъ восклицаній, какъ: „Полтава Пушкина! какая встрѣча! какое напоминаніе! Сколько сладостныхъ впечатлѣній пробуждается въ душѣ при этомъ имени, славномъ для Россіи, славномъ для любимого ея поэта! Сколько образовъ, могучихъ и величавыхъ, встаетъ предъ вами! сколько картинъ оживленныхъ волшебною кистью художника развертывается въ стройномъ великолѣпіи“, и т. д.

Похвалы прошлой дѣятельности поэта необходимы были только для того, чтобы ярче изобразить весь „ужасъ“ теперешняго его положенія, всю ничтожность цѣлей, съ которыми началось изданіе „Современника“, и тѣмъ отшатнуть подписчиковъ на журналъ.

Но Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ цѣну такимъ „доброжелательнымъ“ предостереженіямъ. Расчеты монополии не удалсь, — журналъ сталъ выходить и, какъ мы уже раньше указывали, въ первомъ номерѣ была помѣщена статья Гоголя, направленная, главнымъ образомъ, противъ журналовъ Сенковского, Греча и Булгарина.

XXV.

Нельзя сказать, что условія, при которыхъ выходили въ свѣтъ книжки „Современника“, были благоприятны. Пушкинъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала, былъ какъ бы преслѣдуемъ судьбой. Выходъ всѣхъ четырехъ книжекъ, которыя вышли при его жизни совпалъ съ несприятными событіями въ жизни поэта. Когда готовился первый томъ, умерла мать поэта, и онъ долженъ былъ провожать тѣло ея въ Святогорскій монастырь, и книжка вышла въ его отсутствіе. Пушкинъ ею былъ очень доволенъ, да и публика оцѣнила ее по достоинству. Раньше былъ приведенъ отзывъ Бѣлинскаго, который былъ выраженіемъ симпатій къ новому журналу. Пушкинъ, должно-быть, дорожилъ мнѣніемъ молодого критика. Въ маѣ онъ посылаетъ Нащокину томъ „Современника“ съ просьбой передать

его Бѣлинскому“ тихонько отъ „Наблюдателей“. „Вели сказать ему, прибавляетъ Пушкинъ, что я очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться“.

Второй и послѣдующіе томы вышли въ свѣтъ тоже въ самый тяжелый періодъ жизни Пушкина, когда въ обществѣ разнеслась молва объ ухаживаніи д'Антеса за его женой. Поэтъ переживалъ тяжелыя минуты; семейная жизнь, въ которой онъ искалъ успокоенія, принесла ему только огорченіе и заставила его непосильно работать, чтобы добыть возможно больше денегъ. Въ его письмахъ за эту пору часто встрѣчаются фразы, въ родѣ слѣдующей: „деньги, деньги. Ихъ нужно до зарѣзу“.

Второй томъ „Современника“, вышедшій въ іюнѣ, былъ тоже удаченъ, хотя и нѣсколько слабѣе перваго. Онъ переполненъ довольно сухими статьями, посвященными различнымъ вопросамъ, — миѳологіи, статистикѣ, рецензіямъ, отчетамъ и т. д., зато стихотворная часть была очень слаба. Одинъ „Урожай“ Кольцова былъ замѣтнымъ произведеніемъ, другія же были очень посредственны.

Особенно замѣчательной статьёй была замѣтка кн. Одоевскаго: „О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ“. Эта статья имѣетъ много общаго съ статьёй

Гоголя, помѣщенной въ первомъ номерѣ „Современника“, она составляетъ какъ бы ея продолженіе.

Уже одно заглавіе показываетъ, о чемъ идетъ рѣчь въ статьѣ. Увлеченіе исторической беллетристикой на Западѣ передалось и русскимъ, но вылилось вмѣстѣ съ тѣмъ въ своеобразной формѣ. Русскіе историческіе беллетристы „раскрыли исторію Карамзина, вырѣзали изъ нея нѣсколько страницъ, склеили вмѣстѣ — и къ неописанной радости сдѣлали разомъ три открытія: 1-е, что такое произведеніе читатели съ небольшимъ успіемъ могутъ принять за романъ или за трагедію; 2-е, что съ русскаго переводить гораздо удобнѣе, нежели съ иностраннаго, и 3-е, что, слѣдственно, сочинять совсѣмъ не такъ трудно, какъ прежде полагали“.

Однако „историческій родъ скоро наскучилъ въ Европѣ“, и писатели обратились къ правдивно-сатирическому роману; но такъ какъ всевозможные пороки и слабости давно уже были выведены на сцену, то они напали на просвѣщеніе, которое, „сдѣлавшись добычей людей различныхъ организацій, необходимо должно было произвести нѣкоторыя странности, собственно безвредныя и исчезающія въ исторіи“.

„Наши сатирики“ и тутъ не отстали; они тоже напали на русское просвѣщеніе, „это юное растеніе, посаженное мудрой десницей Петра и донинѣ съ такими усиліями поддерживаемое правительствомъ и — извините — однимъ правительствомъ, какъ будто оно достигло уже полнаго развитія, утучнѣло, уже производитъ тѣ ненужные отпрыски, которые замѣчаются въ старой Европѣ!“

Но особенно интересно слѣдующее мнѣніе кн. Одоевскаго. „Въ старой Европѣ ужасы конца XVIII в. отозвались въ нынѣшней литературѣ по той же причинѣ, почему идиллическая и жеманная поэзія прежняго времени отозвалась въ вѣкъ терроризма (извѣстно, что Робеспьеръ и компанія писали нѣжные мадригалы). Такъ должно быть по естественному порядку вещей, *ибо литература, вопреки общественному мнѣнію, есть всегда выраженіе прошедшаго*; для многихъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ сочинителей эти ужасы суть воспоминанія дѣтства, а воспоминанія дѣтства всегда сильнѣе дѣйствуютъ на сочинителя и невольно проникаютъ во всѣ его произведенія; оттого многіе изъ этихъ господъ углубились въ грустныя исключенія изъ общей жизни человѣчества и обработали ихъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ

большей или меньшей благопристойностью“. Наши же романисты, не понявъ сущности дѣла, стали сильно подражать тому, что вовсе не свойственно Россіи, и „демократическій духъ, составляющій особый колоритъ въ европейскихъ романахъ, также переселился въ наши романы; но у насъ обратился въ безусловныя похвалы черни и въ нападки на высшее общество, большею частью недоступное нашимъ сатирикамъ“.

Итакъ, и въ „Современникѣ“ сотрудники отражаютъ нападки на высшій слой общества, какъ это раньше дѣлала „Литературная Газета“. Это дало поводъ противной партіи утверждать, что „Соврем.“ есть органъ аристократическій. Съ этимъ мнѣніемъ отчасти согласился и Бѣлинскій, который послѣ полученія второй книги, очень сухо отозвался о журналѣ. Онъ говоритъ, что участія Пушкина въ журналѣ не видно, что общій тонъ вялый. „Впрочемъ, это все бы ничего: остается еще духъ и направленіе журнала. Но, увы, вторая книжка обнаружила этотъ духъ, это направленіе; она показала явно, что „Соврем.“ есть журналъ „свѣтскій“, что это петербургскій Наблюдатель“. Бѣлинскій увѣряетъ, что это уже нятя, и быть можетъ тоже неудачная, попытка въ этомъ родѣ. Онъ сильно на-

падаетъ на „свѣтскіе“ журналы, которые слятся воскресить XVIII вѣкъ.

Детально разсматривая содержаніе 2-й книги „Совр.“ онь особенно возмущается отрывкомъ изъ драмы бар. Розена „Іоанпъ и Аристотель“.

Рецензій ему тоже не нравятся — это самыя „свѣтскіе“ разборы; кромѣ того, въ нихъ обнаруживается самая глубокая симпатія къ московскому свѣтскому журналу и безпредѣльное уваженіе къ его критикѣ.

Очень остроумно подсмѣивается Бѣлинскій надъ мнѣніемъ кн. Одоевскаго, что въ литературѣ всегда отражается прошедшее. „Если повѣрить ему, то у насъ потому только преслѣдуютъ сатирой взяточничество, отъ Сумарокова до Гоголя, что это взяточничество было когда-то давно, только не теперь... Словомъ, смѣхъ и горе“...

„И это „Современникъ“? Что же тутъ современнаго?... И на такомъ-то журналѣ красуется имя Пушкина!“

Такими словами заключаетъ Бѣлинскій свою статью. Многое, конечно, въ ней справедливо. Но нельзя не замѣтить нѣкотораго преувеличенія, которое вызвано именно восхваленіемъ „свѣтскихъ людей и свѣтскаго тона“. Впослѣдствіи Бѣлинскій отказался отъ столь рѣзко высказаннаго мнѣнія и сознался, что погоря-

чился, что въ этомъ высокоуважаемомъ журналѣ было много хорошихъ статей.

Обратимся къ третьему тому. Онъ вышелъ въ сентябрѣ, при чемъ печатался подъ личнымъ надзоромъ Пушкина, что придаетъ ему въ данномъ случаѣ, особенный интересъ.

Здѣсь Пушкинъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ отъ редакціи. 1-я гласитъ, что журналъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ году по той же программѣ. 2-я служить отвѣтомъ на вышеприведенную инсинуацію „Сѣв. Пч.“, въ которой Булгаринъ хотѣлъ сообщить кому слѣдуетъ, что „Соврем.“ по духу и направленію будетъ продолженіемъ „Литер. Газеты“. Въ 3-й Пушкинъ сообщаетъ, что обстоятельства не позволили ему лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ номеровъ своего журнала, а также разъясняетъ одно недоразумѣніе. Публикѣ было обѣщано, что книги, помѣщенные въ библиографическомъ отдѣлѣ и означенныя звѣздочками, будутъ со временемъ разобраны. Бѣлинскій въ своей замѣткѣ о второмъ томѣ „Соврем.“ замѣтилъ, что эти книги такъ и остаются неразобранными. Пушкинъ теперь и сообщаетъ, что звѣздочками обозначены книги, которыя показались ему замѣчательными; дать же отчетъ о нихъ онъ не могъ, такъ какъ мнѣнія не входятъ въ область литературы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію литературной части 3-го тома, нужно сказать, что содержаніе журнала стало гораздо разнообразѣе. Стихотворная часть 3-го номера очень богата, — одинъ Тютчевъ помѣстилъ 16 стихотвореній.

Пушкинъ помѣстилъ здѣсь „Родословную моего героя“ и стихотвореніе „Полководецъ“. Изъ прозаическихъ статей поэта особенно замѣчательны: „Объ исторіи Пугачевского бунта“ — разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отеч.“ (январь 1835 г.) Броневскимъ; „Вольтеръ“ и „Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной“, — рѣчь, произнесенная Пушкинымъ въ Академіи Наукъ.

Статья эта особенно замѣчательна. Въ ней Пушкинъ разбираетъ рѣчь Лобанова, которая, по мнѣнію поэта, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она произнесена въ присутствіи всей академіи и торжественно обнародована.

Особенно возмущаютъ Пушкина тѣ грубые приемы, которыми пользовался Лобановъ при обзорѣ состоянія тогдашней французской словесности. „При семь случаевъ, говоритъ Пушкинъ, своды академіи оглашались собственными именами Жюль-Жанена, Евг. Сю и проч.; имена

сія снабжены были странными прилагательными“. Но Лобановъ не удовлетворился такимъ отзывомъ о французскихъ писателяхъ, — онъ всю французскую націю называетъ „огрубѣлой въ кровавыхъ явленіяхъ революцій и упавшей въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата“. „Спрашиваю, говоритъ Пушкинъ, можно ли на цѣлый народъ взрывать такую страшную анафему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье“.

Если нѣкоторые писатели для удовлетворенія публки „обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ“, то нельзя нападать на всѣхъ, потому что нельзя „требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли“, — „нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому... Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности и нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житія и образованности“. Пушкинъ даетъ также и объясненіе такого явленія. Онъ не согласенъ съ мнѣніемъ (высказаннымъ Гоголемъ въ своей статьѣ, а также и кн. Одоевскимъ), что нынѣшняя опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій. Въ самый разгаръ революціи литература производила сентиментальныя, правоучительныя

книжки. „Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго „возстановленія“. Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ“, вопреки мнѣнію кн. Одоевскаго, который полагалъ, какъ мы видѣли, что литература отражаетъ не настоящее, а прошедшее. „Долгое время покорствовавъ *своенравнымъ уставамъ*, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободою“.

Россіи не нужно бояться дурнаго вліянія французской словесности, потому что оно слабѣетъ съ каждымъ днемъ. „Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики“.

Все это противорѣчитъ утвержденію Лобанова, что все зло въ русской литературѣ произошло вслѣдствіе подражанія французамъ.

Но Лобановъ не только констатируетъ фактъ порчи литературныхъ нравовъ; онъ предлагаетъ также средство для устраненія этого явленія. Такъ какъ, „по множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстонтъ непреодолимый трудъ проникнуть

всѣ *ухищренія пишущихъ*“ и такъ какъ не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностью, будетъ провозглашать нелѣпное и даже вредное, то Лобановъ предлагаетъ, чтобы цензурѣ въ данномъ случаѣ содѣйствоваль „каждый добросовѣтнѣйшій русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная“.

Пушкина очень возмутило предложеніе Лобанова. Онъ зналъ, что, если пройдетъ предложеніе Лобанова, и станутъ всѣ, кому только вздумается, проникать въ *„ухищренія пишущихъ“*, то литераторы, которые и такъ стѣснены, будутъ поставлены въ самое затруднительное положеніе. Пушкинъ приводитъ параграфъ изъ цензурнаго устава, который гласитъ, что цензоръ въ своихъ сужденіяхъ за основаніе долженъ принимать явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону. „Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ“. Пушкинъ полагаетъ, что лучшее средство ободрить и оживить нашу словесность

заключается въ слѣдующемъ: пусть Академія награждаетъ достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ наказуетъ однимъ невниманіемъ.

Этимъ пожеланіемъ заканчивается статья Пушкина.

XXVI.

Статью эту много разъ разбирали изслѣдователи, комментировали на всѣ лады. Одни видятъ въ ней защиту правъ литератора, а другіе усматриваютъ измѣну первоначальному своему убѣжденію, что цензура должна быть совсѣмъ уничтожена.

Дѣйствительно, было время, когда Пушкинъ отрицалъ необходимость цензуры. Но какъ это убѣжденіе сложилось, чѣмъ оно было вызвано и долго ли Пушкинъ его держался? Разъясненіе этихъ вопросовъ въ данномъ случаѣ очень важно, такъ какъ оно дастъ намъ возможность указать причину произнесенія данной рѣчи въ академическомъ засѣданіи.

Пушкинъ самъ испыталъ на себѣ гнетъ цензуры, особенно въ концѣ царствованія Александра I. Цензура въ то время была самая своенравная, сбитая съ толку самимъ правительствомъ, симпатіи котораго такъ быстро смѣнялись, что она не имѣла никакой воз-

возможности приноровиться къ его требованіямъ. „Литераторы, говорить Пушкинъ, были оставлены на произволь цензурѣ *своейравной* и притѣснительной; рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ“.

Пушкинъ въ стихахъ и нисъмахъ за эту эпоху отзывается о цензурѣ очень неодобрительно. На его глазахъ смѣнилось много цензоровъ, но одинъ былъ хуже другого.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣ ослось найдешь подобныхъ
двухъ.

Явился Вируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умлѣй покойный былъ Тимковскій.

А вотъ характеристика и Тимковского:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу, —
Все для иныхъ „не Русью пахнетъ“;
О чемъ цензуру ни прошу, —
Отъ всего Тимковскій ахнетъ...

Въ перепискѣ съ друзьями онъ часто жалуется на цензурныя стѣсненія. „Есть у меня готовая поэмка, да NB цензура“. Въ досадѣ отъ своеправія цензуры онъ доходитъ до мысли,

что ее нужно совѣмь уничтожить: „Vale, заключаетъ онъ письмо къ Дельвигу, *sed delenda est censura*“.

Роль цензора и цензуры, какъ видно, въ это время очень его занимаетъ. Онъ не только въ письмахъ и мелкихъ стихотвореніяхъ, такъ сказать мимоходомъ, касается ея. Извѣстны также два посланія къ цензору, публицистическаго характера, въ которыхъ Пушкинъ весьма подробно касается дѣятельности цензора.

Въ первомъ посланіи, обращаясь къ цензору, онъ говоритъ:

Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной, —
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.

Онъ признаетъ необходимость цензуры, но такой, которая „не преступала бы сама на чертанныхъ уставовъ“. Хорошій цензоръ, — цензоръ-гражданинъ“ ,

Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиваться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.

Но такихъ цензоровъ въ Россіи нѣтъ. Онъ „глупецъ и трусъ“ и такъ мало развитъ, что считаетъ

Сатиру пасквилямъ, поэзію — развратомъ,
Гласъ правды — мятежомъ, Куницына — Мара-
томъ.

Благодаря ему, не видно „на святой Руси до-
селѣ книгъ“.

О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской
лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?

Но какъ бы ни былъ строгъ цензоръ, если
писатель захочетъ, чтобы прочли его произве-
денія, онъ найдетъ способъ ихъ распространить.

Барковъ шутивныхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали, —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.

Раньше и Державинъ, и Хемницеръ, и „на-
персникъ Душеньки“ грѣшили противъ цен-
зурныхъ правилъ, но тогда были иныя вре-
мена, —

Никому изъ нихъ цензура не мѣшала.

Теперь не то. Вездѣ своенравіе, несмотря на
то, что недавнее прошлое сулило такъ много
хорошаго. Пушкинъ и направляетъ на это
прошлое вниманіе цензора:

... Передъ тобой зеркало —
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

Второе посланіе къ цензору дополняетъ первое. Пушкинъ извиняется, что раньше „говорилъ немного крупно“, но это случилось потому, что онъ былъ —

...Тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ.

Теперь онъ замѣчаетъ нѣкоторый прогрессъ: „по милости чудесной разрѣшены завѣтныя слова: божественный, небесный“. Не цензоры перемѣнились,

Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.

И Пушкинъ опять даетъ совѣтъ цензору: „будь строгъ, но будь уменъ“, „скромной истинѣ, мирному уму не заграждай пути заставой своевольной“.

Мы знаемъ, почему Пушкинъ радовался назначенію Шишкова, который отличался честностью убѣжденій и сознавалъ, что „не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобы она была умная и осторожная“.

Оба посланія къ цензору можно назвать выраженіемъ подлиннаго взгляда Пушкина на роль цензуры. Раньше онъ даже требовалъ

полнаго уничтоженія ея, теперь же, признавъ ея необходимость, онъ всю жизнь не отказывался отъ этого взгляда, несмотря на то, что цензура всю жизнь ему досаждала.

Въ своей академической рѣчи, которую мы выше разсматривали, Пушкинъ признаетъ необходимость цензуры, но цензуры „благожелательной“, которая была бы „стражемъ благоденствія“, а не тормозомъ просвѣщенія. Онъ, какъ мы видѣли, въ своей статьѣ изображалъ дурныя послѣдствія чрезмѣрно строгой цензуры во Франціи. Онъ полагалъ, что послѣ строгой цензуры всякое послабленіе, которое будетъ со временемъ вызвано ходомъ историческихъ событій, вызоветъ у нѣкоторыхъ писателей отрицаніе всякихъ нравственныхъ началъ, „которыя должны быть предметомъ заботъ цензуры“, и главная цѣль рѣчи была предостеречь, кого слѣдуетъ, отъ совѣтовъ Лобанова, чтобы спасти литературу отъ произвола и капризовъ добровольныхъ цензоровъ.

XXVII.

Въ томъ же третьемъ номерѣ „Современника“ помѣщено „письмо къ издателю“. Письмо это замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно является выраженіемъ мнѣнія подписчиковъ „Совр.“ Авторъ письма все время обращается

къ Пушкину, приписывая его перу такія статьи, которыя написаны другими лицами. Онъ упрекаетъ Пушкина прежде всего за то, что онъ „пріемля журнальный жезлъ, собираясь проповѣдывать истинную критику“, не изложилъ предварительно своихъ мыслей „о должности критика и журналиста“. Статью „О движеніи журнальной литературы“ онъ находитъ „немного сбивчивой“ и не совѣмъ справедливой по отношенію къ „Библіотекѣ для Чтенія“, которая, по его мнѣнію, вовсе не заслуживаетъ столь ожесточенныхъ нападокъ. Авторъ письма недоволенъ такой травлей: „Совр.“ нападаетъ на тѣ журналы, которые находятся въ какихъ-либо сношеніяхъ съ „Б. для Чт.“; укоряетъ „Моск. Набл.“ за то, что не достаточно энергично ведетъ съ нею борьбу и расточаетъ похвалы „Телескопу“ за его оппозиціонное отношеніе къ „Библіотекѣ“. „Признаюсь, говоритъ авторъ письма, это изумило тѣхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали появленія вашего журнала. Неужто, говорили они, цѣль „Соврем.“ — слѣдовать по пятамъ за „Библіотекой“, нападая на нее врасплохъ и вооруженной рукою отбивая отъ нея подписчиковъ? Надѣюсь, что опасенія сіи лживы, и что „Совр.“ изберетъ для себя кругъ дѣйствія болѣе обширный и благородный“.

Но особенно замѣчательное мѣсто въ письмѣ, это — отзывъ о Бѣлинскомъ. „Жалѣю, пишетъ Безсоновъ, что вы, говоря о „Телескопѣ“, не упомянули о г. Бѣлинскомъ. Онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду. Если бы съ независимостью мнѣній и съ остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе учености, болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности, словомъ, болѣе зрѣлости: то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго“. Такого проицательнаго отзыва о Бѣлинскомъ до этого письма еще не было въ тогдашней литературѣ...

Письмо заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ издателю „Современника“: „Вы укоряете нашихъ журналистовъ за то, что они не сказали намъ: что такое былъ В. Скоттъ? Что такое нынѣшняя французская литература? Что такое наши писатели? Въ самомъ дѣлѣ, вопросы весьма любопытные! Мы надѣемся, что вы ихъ разрѣшите впоследствии, и что избѣгнете въ вашей критикѣ недостатковъ, такъ строго и такъ справедливо вами осужденныхъ въ статьѣ, которую въ правѣ мы называть программю вашего журнала“.

Статья, какъ видно, написана съ цѣлями доброжелательными, и Пушкинъ это оцѣнилъ. Въ критикѣ къ помѣщенному письму, онъ писалъ

слѣдующее: „ Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б., нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья „О движеніи литературы“ напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ такою юношескою живостью и прямодушіемъ, были *совершенно сходны съ моими собственными*. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программой „Соврем.“

Переходя къ IV тому „Современника“, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ былъ его издатель. Поэтъ съ каждымъ днемъ становился въ болѣе и болѣе натянутыя отношенія къ тому обществу, въ которомъ онъ долженъ былъ вращаться по своему придворному положенію и по прихоти жены. Извѣстныя обстоятельства, доведшія Пушкина до дуэли, долго мучили поэта, и это особенно ярко вылилось въ письмахъ къ друзьямъ. До журнальной ли дѣятельности было Пушкину, когда на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ двусмысленныя улыбки или получалъ анонимныя письма, полныя самыхъ оскорбительныхъ намековъ и сплетенъ.

Не удивительно послѣ этого, что послѣдніе два тома „Современника“ (IV и V), которые составлялись при участіи Пушкина, были чрез-

вычайно бедны. Походили на самые обыкновенные альманахи. Из которых нѣтъ жизни. Въ IV томѣ участіе Пушкина выразилось только въ помѣщеніи повѣсти „Капитанская дочка“, которая занимаетъ болѣе половины книги, да тремя незначительными замѣтками. Въ пятой же книжкѣ (1-я за 1837 г.) хотя и были помѣщены произведенія Пушкина, нѣтъ ничего характернаго для выясненія журнальной дѣятельности Пушкина, тѣмъ болѣе, что она вышла уже послѣ смерти поэта.

„Современникъ“, какъ извѣстно, выходилъ и послѣ смерти Пушкина, но разсмотрѣніе его дальнейшей дѣятельности выходитъ за предѣлы настоящаго очерка...

Любимая мечта Пушкина создать органъ, гдѣ бы „соединились умъ и честность“, не удалась и на этотъ разъ. Виною тому были не только обстоятельства личной жизни поэта. Конечно, они помѣшали Пушкину принять ближайшее участіе въ журнальной работѣ, но не будь и ихъ, можно сказать съ увѣренностью, что дѣло и тогда шло бы плохо. Цензурныя условія и общій взглядъ на роль журналовъ у лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, были до того не подходящи для раз-

вѣтія журнальнаго дѣла, которое требуетъ свободы, что „Современникъ“, несмотря на участіе лучшихъ писателей, и не могъ бы быть инымъ. Былъ разрѣшенъ журналъ *литературный*, и онъ держался только въ предѣлахъ этой программы. „Телеграфъ“ — журналъ болѣе жизненный, былъ запрещенъ въ 1834 году, и это запрещеніе было лучшимъ показателемъ того, что для истинной журналистики еще время не настало, хотя уже стали показываться первые проблески ея. Въ то время уже началась дѣятельность Бѣлинскаго, правда, сначала ограничивающаяся литературной критикой, но уже отмѣчавшая собою новую эпоху, которую обыкновенно называютъ эпохой сороковыхъ годовъ и которая преполнена новыми вѣяніями. Пушкинъ чувствовалъ вліяніе этихъ вѣяній, да и не могъ не чувствовать, такъ какъ онъ самъ способствовалъ своею дѣятельностью ихъ формулированію, а этимъ, въ свою очередь, способствовалъ пробужденію общественнаго самосознанія. Въ частности же своею журнальною дѣятельностію, своею постоянной враждой къ „Сѣв. Пчелѣ“, „Сыну Отеч.“ и другимъ монопольнымъ органамъ, онъ протестовалъ противъ той бюрократической политики, которая полагала, по словамъ кн. Одоевскаго, что лучше журнальная

монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, тѣмъ распространіе журналовъ. Известно, что эта бюрократическая политика скоро обпаружила всю свою несостоятельность и должна была подвергнуться тѣмъ реформамъ, которыхъ такъ страстно добивались люди 20-хъ годовъ, и распространителемъ которыхъ былъ впоследствии Пушкинъ. Если ему лично не пришлось видѣть осуществленіе любимыхъ мечтаній, то онъ все же умеръ съ сознапіемъ, что „памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“ и что имѣеть право сказать:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

...ия № 5.
ИЗДА
...на

Цѣна 80 к.

132

Stanford University Libraries

3 6105 124 448 114

194
P
33
K

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

